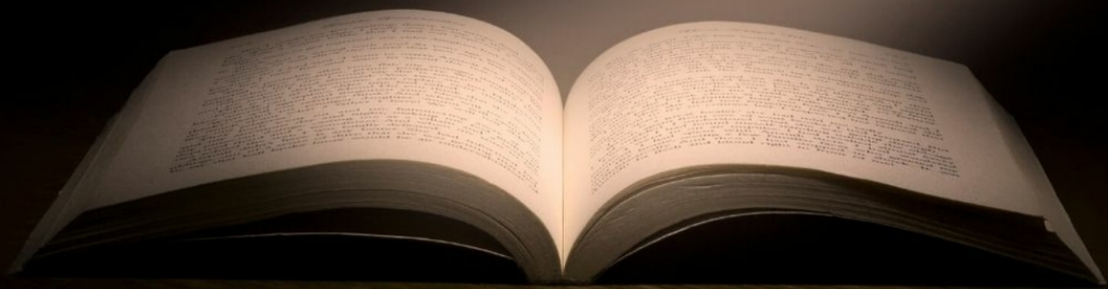

Елена Шершнёва

ХРАНИТЕЛЬНИЦА:
В МИРЕ НЕРАССКАЗАННЫХ
ИСТОРИЙ

12+

Елена Шершнёва

**Хранительница: в мире
нерассказанных историй**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шершнёва Е.

Хранительница: в мире нерассказанных историй / Е. Шершнёва —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Библиотека, о которой никто не знает... Библиотека, которую никто не видит ... Вместителище всех историй, созданных таинственным Сказочником и его учениками на протяжении многих веков... Историй, изменивших мир... Историй, сделавший этот мир таким, какой он есть... И девочка, которой суждено стать Хранительницей этих историй, погрузиться в тайну миров пропавшего Сказочника и сойтись в смертельной схватке за будущее этого мира с его Учеником, мечтающим завладеть Библиотекой и стать новым Властелином.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

– Катька, тебя Варвара вызывает!

Когда я обернулась, мальчика уже не было. Да... Нельзя сказать, что за год у меня здесь появились друзья. Впрочем, особых переживаний это не вызывало – за пятнадцать лет жизни привыкнуть можно ко всему. По крайней мере, моей жизни, в которой давным-давно всё пошло кувырком.

Я отбросила ненужные мысли – предстоял поход к Варваре, что всегда гарантировало неприятности. Итак, чем я провинилась на этот раз? Конечно, я не была белой и пушистой, как и подавляющее большинство ребят здесь, вот только те вещи, за которые меня раз за разом тягали к социальному педагогу Варваре Петровне, вовсе не были чем-то из ряда вон выходящим. Просто невлюбила она меня с первого взгляда.

Как и я её.

Варвару Петровну здесь никто не любил, но все боялись. Свой длинный нос она без тени сомнения совала как в детские тетрадки, что объяснимо, так и в чужую личную жизнь. Никаких сомнений, сожалений, душевных метаний она при этом не испытывала, лицемерно прикрываясь только ей понятным "благом". То, чего не происходило на самом деле, она придумывала, домысливала, снабжала пикантными деталями и несла "на ковёр" к директору – это я поняла из разговоров ребят и взрослых, что иногда долетали до меня. Оскорбления и наказания от неё были в порядке вещей, но никто из воспитателей и учителей на это уже не реагировал, понимая, как она может испортить им жизнь своим длинным языком и близкой дружбой с начальством. Говорили, что она заправляет всем, полностью подчинив себе недалёкую, похожую на толстую курицу директрису.

Её первой претензией ко мне были волосы, выкрашенные в разные цвета, и татуировки. В прилизанной рыжей голове Варвары, наверно, сразу появились мысли о том, что всё это нужно исправить в кратчайшие сроки. Но если татуировки уничтожить было невозможно, то волосы мне было велено срочно обстричь и покрасить в "нормальный" цвет. Насколько я поняла, Варвара уже много раз давала такие распоряжения по отношению к другим девочкам, и почти все они, кто охотно, кто не очень, отправлялись в парикмахерскую.

Я отказалась наотрез. Представление о нормальности о нас было разным, о чём я прямо, хоть и грубо заявила, отказавшись подчиняться её требованиям.

И тут началось! Меня потащили к директору, ругали, вспоминали мои прошлые грехи в других интернатах, даже пригрозили, что поставят на учёт. Меня всё это не пугало – к своим почти шестнадцати годам я убедилась, что от людей всё равно ничего хорошего не увижу, так что все угрозы пропустила мимо ушей. После этого стычки с Варварой стали происходить регулярно. Для меня они заканчивались плохо, потому что за её плечами был весь педколлектив, а за моими – никого. Репутация новенькой, да ещё с плохим характером прочно закрепилась за мной, и я без зазрения совести пользовалась этим, пресекая всякие попытки к сближению.

Изо всех сил не торопясь, я вышла из школы и пошла в социальную службу, которая находилась отдельно в небольшом строении. Стену украшала странная надпись "Тина-мох". Лишняя палочка к букве "м" была пририсована другой краской, и это неизменно вызывало улыбку.

В соцслужбе всегда пахло сыростью и чем-то кислым, а коридор перед дверью в кабинет Варвары (да, отдельный кабинет, дружба с директором – дело выгодное) был заклеен фотографиями счастливых улыбающихся детей в самых разных местах: на ступеньках школы, в актовом зале, на озере, рядом с костром и так далее. Наверно, так хотели показать, что жизнь здесь весёлая и интересная, но получилось как-то не очень. В итоге выглядело всё фальшиво и натянуто за исключением фотографии белокурого маленького мальчика с огромными гла-

зами в венке из одуванчиков, единственного из всех улыбающегося настолько заразительно и искренне, что я каждый раз мысленно здоровалась с ним.

В этом коридоре я иногда проводила довольно много времени, ожидая, когда меня вызовут на Совет Профилактики. Там я была постоянным гостем: Варвара не могла упустить шанс в очередной раз рассказать всем, что при моём поведении в будущем меня ждёт тюрьма, и это ещё в лучшем случае. Остальные участники просто сидели и молча кивали головами, позволяя ей ванговать.

Сегодня двери были распахнуты, и я вошла сразу.

Варвара сидела за столом и делала вид, что работает на компьютере, хотя всем в школе было известно, что даже самые простые таблицы ей делают старшеклассники. Кстати, за такую активную жизненную позицию они, в отличие от остальных, регулярно получали премии и возможность поехать, например, к морю во время летних каникул. Естественно, она не сразу обратила на меня внимание, потом, словно спохватившись, фальшиво ахнула:

– Ты уже здесь, Воронцова! – все слова приветствия в отношении детей она, наверно, считала лишним баловством. – На, читай!

Она бросила на стол лист бумаги, из которого я узнала, что из-за того, что я побила мою одноклассницу Маргариту Королькову, она не смогла сделать вчера доклад по истории и сегодня получила два. Я не стала даже пытаться объяснять, что Ритка с подругами не даёт мне проходу на протяжении всего года. Вначале, когда я только прибыла, они издевались над моими старыми стёртыми джинсами и кроссовками, из которых едва не вылезали пальцы. Потом начали доставать по мелочи: то испортят книжку, то украдут тетрадку с домашней работой, то засунут в рюкзак чьи-то грязные носки. Однажды подстерегли меня в душе и сфотографировали, не забыв разослать фотки нескольким ребятам из интерната. Обнаружив это, я разбила Риткин телефон и едва не добралась до неё, но она успела раньше – заявила, что телефон я разбила просто так, что подтвердили и её подруги. Меня поставили на внутришкольный учёт, потому что объяснять я ничего не стала – всё равно никто не поверит.

А потом случилось самое страшное – на меня обратил внимание Артём, местный красавец-футболист, предмет пылкой любви всех старшеклассниц, включая Королькову. Чем я привлекла его, так и осталось для всех непонятным. До Ритки, красавицы и умницы, по общему мнению, мне было, как до луны. Этого она мне простить уже не смогла, но из всех тактик ведения войны выбрала самую подлую – внезапно захотела со мной дружить, даже извинилась за историю с телефоном. Я ей не верила, но от добра добра не ищут – пару месяцев мы иногда общались, хотя всякие попытки влезть в душу я игнорировала и иногда открыто грубила.

А потом случился взрыв.

От услышанных якобы от меня историй, рассказанных ею всем подряд, включая Артёма, волосы вставали дыбом. Пятен на мне сразу стало больше, чем на солнце в период активности, а ребята в глаза называли меня такими мерзкими словами, что я перестала спать ночами и думала, как сбежать отсюда. Побег не состоялся только потому, что была зима, и страх замёрзнуть на улице был всё же сильнее, нежели боль от постоянных насмешек – я слишком хорошо знала, что такое минус двадцать без крыши над головой. Взрослые в эту ситуацию не лезли: если до них и доходили отголоски нашего скандала, то они, наверно, рассудили, что детские войны – это несерьёзно, и "сами разберутся".

С той минуты стена между мной и остальными обитателями интерната, даже не замешенными в скандале, стала высокой и прочной, и по тем немногим, кто к ней приближался, я открывала яростный огонь. Очень скоро меня оставили в покое, молясь только об одном – чтобы я поскорее окончила школу и уехала подальше.

– Что ты можешь на это сказать? – пронзительный голос Варвары вернул меня к действительности.

О, я могла много чего сказать, но зачем? Всё было не так, и это мне досталось от Риткиной шайки, на шее даже осталась царапина (правда, и они не досчитались нескольких клоков волос), и разнял нас Артём, который теперь встречался с Риткой. Кстати, он бы мог и подтвердить, что начали они, но он же Риткин парень! Поэтому я промолчала.

– Чего ты молчишь? Как драться – мы смелые, а как отвечать за свои поступки – сразу язык проглотила? Это третий раз за месяц! Третий! Ты хочешь, чтобы я вызвала полицию?

Нет. Я, конечно, не хотела. Даже во время своих скитаний я избегала проблем с законом. Пару украденных булок, конечно, не в счёт! Правда, вслух я ничего не сказала. Пусть делает, что хочет. Я понимала, что ей очень нужно напугать меня, сломать, заставить просить прощения у Ритки, но я не смогла бы сделать этого даже под страхом смертной казни.

– Значит так. Я звоню инспектору. Объясняйся с ним сама. Там ты быстро разговоришься! А сейчас отправишься и сделаешь доклад Маргарите. Из-за тебя она получила двойку, тебе и исправлять! И никакого интернета! Идёшь в библиотеку, переписываешь всё, что надо, потом придёшь и напечатаешь. Ты меня поняла?

Я кивнула и развернулась, чтобы уйти.

– Я тебя не отпускала! Сегодня же извинишься перед Ритой!

– Обойдётся!

Последнее слово вырвалось у меня неслучайно, и я даже не стала поворачиваться, чтобы увидеть её реакцию. Хватит и того, что ради чьей-то оценки я буду целый день сидеть в библиотеке! В коридоре я машинально подмигнула мальчику на фотографии и зашагала прочь из соцслужбы.

До этого детского дома я побывала ещё в трёх. В первом – сразу после того, как родителей лишили родительских прав. Какое-то время мне там даже нравилось: после холодного запустения родительской квартиры, где нечего было есть и не на чем спать, это место показалось мне почти домом. Я была маленькая, а поэтому люди, кормившие меня вкусной кашей, делавшие со мной уроки и читавшие сказки перед сном, казались очень добрыми и хорошими. Наверно, они такими и были, но каждый вечер они отправлялись домой, к своим детям, а значит нам, малышам без роду и племени, детям алкоголиков, преступников, наркоманов, не принадлежали. Они были общими, как кружки в столовой, и все мы из кожи вон лезли, чтобы воспитательница полюбила кого-то из нас больше. Это продолжалось недолго.

После начальной школы всех нас перевели в другие интернаты. Здесь правила были жёстче, взрослые – строже. Мы уже не были маленькими милыми крошками, бредущими рядом за ручку. Нет, мы росли, а вместе с нами росли проблемы. Кто-то не хотел или не мог учиться, кто-то разговаривал матом, другие постоянно сбегали в поисках лучшей жизни, кто-то просто не желал идти ни с кем на контакт. Конечно, были и другие. Они привыкали к новым условиям, учились скрывать дурные мысли и поступки, ходили в школу и не лезли на рожон. Нам всем очень хотелось быть обычными детьми, но у обычных детей был дом, семья и любовь, о которой нам приходилось только мечтать. В то время я старалась не привлекать к себе много внимания, потому что учиться мне нравилось, и я даже стала забывать уличные замашки, полученные в детстве. Это длилось какое-то время, но лет в двенадцать до меня дошло, что никому я, по большому счёту, не нужна, и всякие попытки завоевать чьё-то доброе расположение прекратила. Случилось прозрение в тот момент, когда воспитательница, к которой мы все привыкли, внезапно ушла, просто выйдя замуж. Я скучала, потому что она была по-настоящему классной, весёлой, кормила нас домашними вкусностями и читала "Маленького принца". С ней было тепло и уютно, и после её неожиданного ухода мне и стало понятно то, что ещё не поняли мои сверстники – всем всё равно. Никто не будет думать о нас, переживать или жертвовать чем-то – у людей полно других дел. С того момента я пресекала любую попытку взрослых сблизиться со мной. Я грубила и отказывалась подчиняться правилам – в конце концов,

мы были для них только работой, так что все их лживые слова о понимании и сочувствии преследовали одну цель – заставить нас хорошо себя вести и учиться.

В другую школу меня перевели не за плохое поведение, просто детский дом решили закрыть, а детей рассовали по соседним. Мне, наверно, просто не повезло, но в следующей школе я хлебнула всего с преизлихом. Закончилось тем, что я стала сбегать и подолгу жить, где придётся. Все уличные привычки маленькой бродяжки вернулись вновь, я запустила учёбу, начала курить, пару раз выпивала, чтобы стать своей в тех компаниях, к которым меня прибывало, покрасила волосы и набила, следуя моде, пару татуировок. Директору это надоело – я очень портила ему статистику побегов – поэтому каким-то образом он договорился о моём переводе в другой детский дом.

Так я оказалась здесь. Наверно, если бы меня привезли сюда пару лет назад, мне, может быть, и понравилось. По сравнению с прошлым интернатом этот был не в пример уютнее. Ребята здесь жили в небольших группах, везде были компьютеры и телевизоры, спальни были отремонтированы, а в столовой, в отличие от других школ, нормально кормили. Но здесь, так же, как и везде, нужно было бесконечно следить за тем, чтобы кровать была натянута, а в тумбочках всё аккуратно расставлено – в любой момент мог прийти директор или приехать проверка и засунуть туда нос. В связи с этим в моей тумбочке было пусто, а всё необходимое я таскала в рюкзаке. В жизни детского дома я участия не принимала, так как подружиться ни с кем так и не смогла – Ритка с Артёмом пользовались большим авторитетом среди ровесников, поэтому ребята моего возраста обходили меня стороной, а с малолетками мне и самой было нечем заняться. Я проводила все уроки на задней парте, вполуха слушая большую часть учителей, и в десятый класс перешла на хилых тройках, да и то, только затем, чтобы позлить Варвару. Она хотела избавиться от меня после девятого и засунуть в ближайшее училище на швею-мотористку. Встречаясь со мной, она гадко улыбалась и читала стишок: " Кто трусы ребятам шьёт? Ну, конечно, не пилот!" После такого у меня не было выхода и пришлось сдать экзамены хотя бы ради того, чтобы заставить её заткнуться! Я старалась не нарываться, что вообще-то было сложно, но когда у тебя два таких врага, как Ритка и Варвара, самой и делать ничего не нужно – всё сделают за тебя.

В любом детском доме всё подчинено одному священному слову – режим. Подъём, уроки, завтрак, обед, ужин, часы самоподготовки – вся жизнь была расписана и вывешена в вестибюле общежития. За нарушение режима следовало наказывать, а за многократное, как в моём случае – вызывать на Совет профилактики. Нельзя сказать, что я делала всё назло – просто в группе мне было неуютно, и большую часть дня я бесцельно шаталась либо по берёзовой роще, которая окружала интернат, либо сидела на ступеньках заброшенного здания бывшего детского сада. Воспитатели пытались повлиять на моё поведение, заставляли делать уроки, но эти требования я пропускала мимо ушей – их здесь, вообще, мало кто слушался.

Сегодняшние неприятности продолжались, и я опоздала на обед. Наверно, мне оставили порцию, но идти и есть в столовой в одиночестве, очередной раз подтверждая общее мнение о моём характере, не хотелось и я отправилась в библиотеку.

Территория у нас была большая. Говорят, интернат строили с расчётом на пятьсот и больше детей, так что, пока я шла от одного здания к другому, какие-то мелкие пацаны обстреляли меня яблоками, валяющимися прямо под ногами – старые заскорузлые яблони росли здесь повсюду и были остатками некогда знаменитого яблоневого сада. Они окружали несколько корпусов интерната: общежитие, школу, столовую, социальную службу, медпункт и другие постройки. Некоторые были давно закрыты и радовали глаз выбитыми стёклами и многочисленными надписями.

В школе меня ожидал сюрприз. Оказывается, женщина, работавшая в школьной библиотеке, заболела, а это могло означать только одно – доклад я не напишу и напорюсь на новый

скандал. Я была уверена, что Варвара знала об этом и заранее потирала маленькие толстые ручки.

Вот уж нет! Я подумала пару минут и поняла, что единственный выход – это идти в городскую библиотеку, тем более, что находилась она недалеко. По правилам нужно было отпроситься у воспитателя, поэтому я решила зайти в общежитие, сказать Ольге Викторовне, куда иду, и выложить лишние книги из рюкзака.

Ольгу Викторовну уже, видимо, предупредили о моём очередном "преступлении", потому что смотрела она укоризненно.

–Катя! Ну что опять случилось? Чего ты постоянно всех задираешь?

–Я ничего ей не делала!

Я не хотела повышать голос, но так само вышло – достало абсолютно всё.

–Рита не будет врать. Зачем ей это?

–Чтобы было на кого свалить домашнее задание по истории! Ольга Викторовна, можно я пойду? Мне целый доклад писать, а идти придётся в городскую библиотеку! Можно?

– Иди... Но мы ещё не закончили!

"Закончили", – решила я про себя. Не хочу оправдываться, сделаю доклад и точка!

Уже выходя, я столкнулась в дверях с Артёмом, с которым имела несчастье жить в одной группе.

–Ну что, получила?

–Тебе-то что? Иди, свою Ритку успокаивай!

–Рот закрой, дура!

Я оттолкнула его и пошла дальше. Много чести разговаривать с таким!

Только выбравшись за ворота детского дома, я выдохнула. Варвара сегодня оказала мне неожиданно хорошую услугу! Обычно всякие прогулки по городу, то есть, за территорией детского дома, были разрешены только в присутствии взрослых. Конечно, на таких, как я, запреты действовали не всегда, и некоторые ребята время от времени тоже уходили погулять в город. Иногда за это их ставили на учёт, но чаще никаких наказаний не следовало – вернулись живые и здоровые, и ладно! Я тоже несколько раз уходила, но возвращалась вовремя. Не из желания показаться правильной, просто в городе заняться тоже было нечем.

В библиотеку нам ходить разрешали – правда, на моей памяти это разрешение никому не пригодилось. Кто захочет читать книжки, если есть компьютер и телевизор? Так что до этого момента я была в библиотеке пару раз вместе с остальными детьми на так называемых мероприятиях. Нас усаживали в большом зале и начинали долго и нудно рассказывать: в первый раз о вреде наркотиков, а во второй – о правах и обязанностях несовершеннолетних. Я ненавидела это слово, потому что от него так и разило детдомом или тюрьмой, или и тем, и другим. Во время обеих встреч ребятам было скучно, они перешёптывались, сидели в соцсетях, играли, особо этого не скрывая. Я сидела одна и коротала время, глядя в окно, разглядывая портреты писателей и корешки книг на полках.

Библиотека была небольшой, двухэтажной, не слишком новой. Обычно народу в ней было очень мало, и это меня вполне устраивало. В вестибюль вели двустворчатые двери из белого пластика, но в прошлый раз нас заводили через небольшую дверь справа, напоминавшую какой-то служебный вход, но без таблички "Не входить". Дверь эта позволяла почти напрямую попасть в читальный зал, что и было мне нужно.

Раньше в моей жизни было две больших любви. И если бы кому-то пришло в голову поинтересоваться, какие именно, я бы ответила: "Книги. И собаки".

Любовь к собакам проявилась у меня в первом детском доме. Там на территории жила маленькая, смешная, лопухая собачка по имени Лапка. Я не помню, почему её так называли, но она была такой умной и забавной, что любили её все. Несколько раз её пытались увезти с

территории и подкидывали в ближайшие деревья. Лишившись своей любимой игрушки, мы, тогда ещё маленькие, дружно грустили и плакали. Однако через несколько дней Лапка появлялась вновь и, хитро поблёскивая глазами, со всех ног кидалась к нам. Мы брали её в спальню и пытались спрятать от воспитателя в шкаф, но воспитатели были не промах, и наши хитрости раскусывали в два счёта. Однако ругали не сильно и даже подкармливали Лапку всякими вкусностями, принесёнными из дома.

Тот день, когда её сбила машина, стал одним из самых чёрных в моей жизни.

Не так давно собаки вновь вошли в мою жизнь в виде Малыша – старого больного пса с изуродованной шрамами мордой и слезящимся красным глазом. Я не знаю, где ему так сильно досталось, но он прибился к нам и пару месяцев жил рядом с территорией детского дома, временами забредая на неё в поисках пищи. Он полностью доверял детям, взрослых же обходил стороной, а некоторых даже облаивал, от чего я втайне злорадствовала – пёс интуитивно угадывал самых неприятных личностей. Они видели в этом угрозу, и Малыша, в отличие от Лапки, не любили и боялись. Мне же казалось, что он нас защищает, старается быть полезным и отработать те кусочки, что мы несли ему из столовой. Он ластился к детям и с удовольствием замирал, когда мы начинали гладить его. Он был очень похож на нас отсутствием дома и хозяйина. Я любила гулять с ним по берёзовой роще – думаю, он меня прекрасно понимал и тоже радовался нашей неожиданной дружбе.

Книги же были моим последним и самым прекрасным воспоминанием о детстве. У бабушки, которую я никогда не знала, но в чьей квартире мы с родителями жили, книгами было заставлено всё! Чего там только не было! Пока я была маленькая, я могла их только рассматривать, искать картинки и разглядывать обложки. Потом, когда подросла, первым моим желанием было научиться читать. Его осуществлением я обязана воспитательнице детского сада. Меня приводили раньше всех, а забирали позже, но я не жаловалась. Всё это время я проводила рядом с воспитательницей: я поселилась за её плечом, когда она читала нам сказки, и каждую свободную минуту прибегала к ней с книжкой, требуя показать буквы. В конце концов, она сдалась, и через год я читала настолько хорошо, что иногда она разрешала мне читать за неё всей группе.

Вот тогда-то и настал черёд бабушкиным книжкам! Я читала всё подряд, зачастую не понимая значения слов и целых предложений, но каждая из прочитанных историй надолго переносила меня в другой мир. Я не замечала холода в квартире, не обращала внимания на урчащий от голода желудок, глохла и слепла во время семейных разборок.

В садике сверстники не обращали внимания на меня: я не могла принести из дома красивую игрушку, яркие резиночки и заколки или домашние пирожки в день рождения. Некоторым из них родители запрещали со мной водиться, называя меня "эта Воронцова", и уверяя воспитательницу, что у меня вши. Причём говорили об этом громко и уверенно, не стесняясь моего присутствия. В те годы я первый раз услышала фразу "лишить родительских прав", но даже не знала, как скоро она определит мою будущую жизнь. Лишённая общества сверстников, всё время я проводила в уголке среди книг, мысленно разговаривая с теми, кто жил на их страницах. Пока остальные складывали кубики и вышивали, я плавала на прекрасных кораблях, танцевала во дворцах и искала сокровища, с трудом возвращаясь по вечерам в реальность. Я была героиней сказок и верила в то, что за доброту, заботу и трудолюбие меня обязательно наградят, поэтому тщательно подметала дома, стараясь не замечать бутылки, рассованные по углам, стирала свои маечки, выносила мусор и ожидала, когда появится фея-крёстная.

Время шло, но фея не торопилась. Зато в нашем доме стало появляться всё больше папиных и маминых друзей. В один момент они сообразили, что книги – это не только пылящийся, совершенно не нужный им хлам, книги – это деньги. И постепенно родители начали их продавать. Они набивали ими сумки, складывая как попало, и несли на ближайший рынок. То, чему не находилось покупателя, выкидывали там же. Я плакала, представляя, как они лежат

на помойке, среди остатков еды и грязных тряпок, дождь стучит по их обложкам, превращая страницы в серое месиво, а люди идут и наступают на них ногами.

В моей жизни не было большего горя. Именно тогда я стала убегать из дома, воровать в магазинах конфеты и шоколадки, почти забросила школу. На все вопросы учительницы я отмалчивалась, не желая делиться ни с кем тем, что творилось дома.

Однажды я попыталась отобрать у кого-то из их друзей сумку с книгами – очередной товар, которому предстояло быть обмененным на водку – не удержалась и упала с лестницы, сломав ногу. Перелом был сложный (мне об этом поведала старенькая медсестра), в больнице я пролежала долго и уже оттуда отправилась вначале в приют, а потом в интернат... Как сказала мне женщина из опеки, родителей лишили прав за жестокое обращение со мной. Я так и не поняла, сломанная нога послужила причиной или что-то ещё, но в тот момент почувствовала облегчение – возвращаться в пустую холодную квартиру совсем не хотелось.

С той поры к книгам я относилась настороженно, как и ко всем людям. Во всяком случае, в то, что кто-то наградит меня за хорошее поведение, больше не верила.

Понятно, что поход в библиотеку не был для меня таким уж страшным наказанием. Меня забросили именно в тот "терновый куст", что был для меня, по сути, домом, хотя прежней радости мне это не доставляло.

Я открыла дверь и шагнула через порог, удивившись тому, что вокруг такой полумрак. В прошлый раз коридор был ярко освещён, и почти напротив входа находились другие двери – ведущие в читальный зал.

Захлопнув дверь, я еле успела отскочить в сторону, потому что тут же рядом со мной посыпались книжки. Странно, может у них тут ремонт?

– Что тут происходит? Что вы расшалились?

Из-за соседних шкафов (ну точно, ремонт!) прямо на меня вынырнул старик, похожий на сумасшедшего учёного из фильмов: с длинной клочкастой бородой и стоящими дыбом седыми кудряшками. От неожиданности он остолбенел.

– Юная леди... Как вы сюда попали?

Он выглядел настолько удивлённым, что я не нашлась, что ответить, кроме правды.

– Я доклад пришла сделать. Меня из школы послали.

Честно говоря, я почувствовала себя очень неудобно. Старик смотрел так пристально, что "леди" застеснялась своих рваных джинсов и давно потерявшей первоначальный вид толстовки.

– Нет-нет, вы не поняли. Как вы попали СЮДА?

– А что, нельзя? Мы сюда приходили!

– Конечно-конечно. Просто... Я хочу сказать, что ещё никто... Но раз вы пришли... может, пройдёте?

Мне стало не по себе. Чудной старик в полутёмной комнате не слишком хорошая компания в наше время. Мало ли что? Я не ответила и слегка попятилась к двери, пытаясь нащупать ручку. И только проведя по предполагаемому месту её нахождения несколько раз, поняла – её там нет! Я даже повернулась, чтобы удостовериться в этом. Точно! Ни намёка! Но несколько минут назад я потянула за неё, чтобы закрыть дверь!

Старик всё стоял, вопросительно глядя на меня, и я решила, что не стоит сразу его провоцировать, вдруг, он просто сумасшедший?

– Вы не могли бы открыть дверь? Я ручки не вижу.

– Ручки? О, она появится! Она часто прячется. Наверно, боится, что я сбегу и не вернусь!

Вот тут всё встало на свои места! Конечно, сумасшедший! Но вот опасен он или нет? Я решила снова попытать счастье.

– А как мне отсюда выйти? Я тороплюсь!

–Но вы же сказали, что хотите сделать доклад! Я вам помогу! А как только появится ручка, вы сразу же пойдёте домой, уверяю вас!

Старик упорно говорил мне "вы", но, несмотря на его вежливость, мне было некомфортно и даже немного страшновато. Однако он нисколько не смутился и, повернувшись ко мне спиной, отправился к столу, на котором громоздились горы книг. Внезапно что-то щёлкнуло и стало светлее – наверно, выключатель был где-то рядом с ним.

Свет был тускловат, и его было мало для такой большой комнаты, но я всё же смогла оглядеться. И поразилась. Я никогда не думала, что этот коридор такой большой! Мне показалось даже, что он в несколько раз больше самой библиотеки. Может, конечно, я и ошибаюсь, но читальный зал, в котором мы обычно сидели, не выглядел настолько громадным. Возможно, при ремонте снесли стены, потому что теперь это была длинная комната, сплошь уставленная книжными шкафами. Это были не одинаковые библиотечные стеллажи. Шкафы были высокие и низенькие, тёмные и светлые, похожие на сейфы железные, а рядом с дверью стоял красный шкаф с золотым узором. Что находится в глубине, я рассмотреть не могла.

И везде в этих шкафах были книги. Глаза разбегались от разноцветных корешков и названий, многие из которых были написаны не по-русски. Как и откуда в нашей захолустной библиотеке такое? Здесь даже пахло не так, как обычно. Запах книг смешивался с ароматом то ли цветов, то ли травы, пылью, запахом свечей и ещё чем-то знакомым, что я никак не могла определить. У меня даже руки зачесались, так мне захотелось прикоснуться к старым шершавым корешкам!

Убедившись, что старик не смотрит, я прошла немного вглубь и провела рукой по первой попавшейся книге, вспоминая давно забытое ощущение. Потом отдернула руку и снова повернулась к старику.

Он между тем продолжал искать что-то на столе, и по-хорошему, это был самый лучший момент, чтобы попытаться улизнуть, но я почему-то не могла развернуться и уйти. Книги – лучшие друзья моего детства – снова были рядом со мной, и я не смогла так сразу их бросить. В конце концов, старик невысокий и выглядит хрупким, как многие пожилые люди, а я, несмотря на свои многочисленные шатания или благодаря им, хоть и худая, но с ним точно справлюсь.

– Доклад... Доклад... А вот и он! – старик повернулся с радостным возгласом и протянул мне несколько исписанных листов бумаги. Я с опаской обернулась (ручки не было!) и, оглядываясь, дошла до стола. Посмотрев на него, я перевела взгляд на исписанные листочки и почувствовала, как внутри поднимается волна ужаса – листочки были не просто исписаны – это был доклад, который я должна принести Ритке. Старик продолжал улыбаться и протягивать мне бумажки, но я не могла заставить себя протянуть руку и взять их.

– В чём дело, юная леди? Разве не за этим вы шли в библиотеку? Неужели, я ошибся? – он бегло просмотрел доклад. – Нет, вроде бы всё верно. Я бы, конечно, поспорил насчёт достоверности некоторых фактов...

Но я не говорила ему тему доклада! Или говорила? В голове всё смешалось...

–Я этого не писала! Откуда это у вас?

–Видите ли... Возможно, кто-то это забыл? Или вы сами забыли?

–Ничего я не забыла! Я шла, чтобы написать его! Где вы это взяли? Стойте! Не приближайтесь ко мне!

Последняя фраза была не лишней, потому что старик сделал шаг вперёд с явным намерением всунуть мне злосчастный доклад.

– Мне не совсем понятно, чем именно вы расстроены, – его седые вздыбленные кудряшки будто бы даже опустились. – Но может, вы присядете, и мы поговорим?

Он показал рукой куда-то позади меня, я машинально отступила и, зацепившись ногой, рухнула в невесть откуда взявшееся кресло! Может я, конечно, и не заметила его раньше, но

количество странностей уже зашкалило за все мыслимые пределы. Сам старик устроился в кресле напротив и спокойно спросил:

– Как вас зовут, юная леди?

– Катя... Екатерина, – сумасшедшим, как известно лучше не перечить. Хотите имя – да пожалуйста!

– Екатерина! Какое восхитительное древнее имя! Замечательно! А меня зовут Теофилус! Хотите чаю, Катя?

Нет, я не хотела. Точнее, не хотела чая, а вот узнать, что здесь творится, стало любопытно.

– Что это за место? Библиотека?

– Да, можно сказать и так. Ей много лет, и она, как сами видите, слегка ...гм... запылилась, – я огляделась, ища подтверждения его словам. Запылилась? Это ещё мягко сказано.

Старик между тем продолжил:

– Видите ли, я не так давно вернулся из ... поездки, буквально несколько часов назад, и ещё не успел прибраться. Так как вы сюда зашли?

– Там дверь, справа от главного входа.

– Дверь? Странно! Обычно в эту дверь никто не заходит! Её просто не замечают.

– Неправда! Мы заходили сюда, приходили на мероприятие. И как можно не заметить дверь?

– Уверю вас, Катя, люди видят только то, что хотят, и, как правило, не дальше собственного носа! Они просто проходят мимо! Я много лет ждал, пока кто-то её увидит, потом перестал ждать, и тут вы...

– Вы здесь работаете?

– Здесь – вся моя жизнь! Книги! Что может быть прекраснее? Вы тоже так думаете?

Я пожалала плечами, не зная, что ответить, но старик воскликнул:

– Я всегда чувствую родственную душу! Но вынужден просить извинить меня! Как я ска- зал ранее, я недавно с дороги и нужно заняться неотложными делами.

Я в замешательстве встала, понимая, что меня не просто отпускают, меня прямо-таки просят уйти! Как будто это не было моим самым главным желанием!

– Был очень рад познакомиться, Катя! И, знаете, если захотите мне помочь немного разоб- раться здесь, приходите в любое время! Всего доброго!

Старик подхватил меня под локоть и проводил до двери, на которой я наконец-то заме- тила ручку. Потом открыл дверь, слегка поклонился, и мне не оставалось ничего, как только выйти на улицу, буркнув: "До свидания"

Дверь за моей спиной захлопнулась, за ней что-то зашуршало и стихло, а я, захотев всё- таки ущипнуть себя, заметила в своих руках листочки доклада. Моим первым желанием было бросить их в ближайшую урну, но я вовремя себя остановила. На улице уже начинало смер- каться – я провела в библиотеке намного больше времени, чем думала, – поэтому выхода не было. Придётся отдать Ритке этот доклад.

По дороге в интернат я несколько раз возвращалась мыслями к странному старику и поклялась никогда больше не входить в подозрительные двери.

Глава 2

Ночью мне не спалось. Я пришла поздно, и единственное, что успела сделать, это погладить и покормить Малыша остатками собственного ужина – есть не хотелось. Перед сном я вспомнила, всё, что произошло, пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение. Ну, ладно ручка – в конце концов, это может быть просто шуткой, понятной только старику. Кресло... Будем считать, что, действительно, не заметила. Но вот доклад! С ним что делать? Не приснился же он мне! Я ещё и потратила целый час, чтобы перепечатать его. Там было всё, что нужно! Как? Что за фокус? Так и не решив, что думать обо всём этом, я постаралась заснуть. Старалась, я, наверно, плохо и утром была разбитая, не выспавшаяся и злая.

Мои школьные дела давно хромали на обе ноги из-за частых пропусков в прошлом и упорного желания на любом уроке стать человеком-невидимкой. Я смотрела на наших вечно уставших и недовольных учителей, даже не стараясь вникнуть в суть предмета. Они призывали нас подумать о будущем, но делали это с таким видом, что каждый из нас понимал – хорошее будущее нам не светит. Некоторые ребята, надо признать, всё же учились неплохо, но мне для этого вначале не хватало знаний, которые я упустила в детстве, а потом просто пропало желание. Просить же о помощи я не хотела, поэтому училась сама, хотя моих усердий хватало на хилые троечки.

К урокам здесь отношение было серьёзное, и моим нелюбимым временем дня была самоподготовка. Ух, как же я ненавидела этот момент! Бесило не то, что надо делать уроки, а то, как это происходило! Нас собирали в классе, и два-три часа мы писали, читали, отвечали воспитателю завтрашние уроки. Мне класс надоедал за время уроков, перспектива сидеть в нём ещё и делая уроки, не радовала, а то, что я не могла отвечать при всех, тем более, при Артёме, неизменно обеспечивало мне дополнительные полчаса-час.

Вчера из-за похода в библиотеку подготовку я пропустила, и заранее понимала, что меня ждёт неприятности. Из всех уроков сделана была только история, и то, не моя.

Школьный день тянулся бесконечно. Я смотрела, как дождевые капли скользят по стеклу, и ловила себя на мысли о том, как же всё это мне надоело! Впереди ещё весь год! И о чём я только думала, когда осталась в десятый класс? Хотела насолить Варваре, а сделала хуже себе!

Учителя менялись, уроки шли, но хандра не проходила. Мне было как-то особенно неуютно, я ощущала взгляды и насмешки одноклассников, словно они стали материальны и летели в меня камнями. Чтобы не замечать этого, я распустила волосы, превратив их в занавес, отгораживающий меня от реального мира – приём, усвоенный с детства. Теперь с одной стороны было окно, с другой – мои собственные разноцветные пряди, однако ситуацию это не улучшило. Да ещё на следующем уроке я получила замечание от суровой и строгой учительницы математики за то, что пришла в школу неряхой. В следующий раз она пообещала выгнать меня за дверь. На этих словах весь класс заржал, а Ритка с Артёмом повернулись и довольно осклабились. Даже неприличный жест, показанный в ответ и согнавший улыбки с их лиц, меня не утешил. Судя по лицу Ритки, она всеми силами постарается заставить меня ответить за это.

На большой перемене, вместо того, чтобы идти на полдник в столовую, я решила прогуляться. На улице похолодало, поднялся ветер, ноги тут же промокли, но я, не обращая на это внимания, шла дальше. Малыш тут же увязался за мной и тихонько трусил рядом – как и я, он предпочитал не привлекать внимание к собственной персоне.

Я металась из угла в угол целый день, не понимая, что происходит. И только вечером, ложась спать, я сообразила – во всём виноват странный старик и библиотека. Кто он? Что там делает? Может он просто выкупил эту часть дома и переехал туда со своим книжным царством – мало ли в наше время богатых чудиков?

Я даже покопалась на сайте города, но никаких упоминаний об аренде или продаже части библиотеки не нашла.

На третью ночь мне приснился странный сон. Словно я вернулась домой, и квартира, которую я помнила грязной, пустой, с облупившимися обоями была такой, какой её оставила бабушка – чистой, с загадочным полумраком и книгами, лежащими, где попало. Что из этого я помнила, а что дофантазировала? Не знаю. Но утром мне было ещё тоскливее, хотя я решила, что это из-за нескончаемого дождя.

Между тем приближался Осенний бал. Настроение у старшеклассников было хорошее, все договаривались, с кем пойдут, и предвкушали не такое уж частое здесь развлечение. Я к танцам была равнодушна, идти никуда не собиралась, поэтому, когда увидела на своей парте сложенный листок бумаги, не поверила своим глазам.

Это было приглашение.

Кто был его автором, я поняла почти сразу. Подняв глаза, я увидела, как все взгляды устремлены на меня. Одноклассники жадно наблюдали за моей реакцией, но я смотрела только на парочку своих врагов. Артём заржал первым, его смех подхватили остальные.

–Что, Воронцова, обрадовалась? Думала, тайное признание в любви?

Я судорожно сжала кулак, комкая бумажку, потом вскочила и бросила прямо в его ухмыляющуюся рожу.

–Я сразу поняла, что это ты развлекаешься, дебил!

Он вскочил и хотел броситься за мной, но тут зазвенел звонок на урок, а прямо перед этим я успела выскочить из класса, в бешенстве хлопнув дверью.

Всё! Сегодня я туда точно не вернусь! Пусть делают, что угодно! Достали!

Выбежав на школьное крыльцо, я помчалась к воротам. За прогул уроков меня итак накажут, так что я теряю? Тем более, я была уверена, что правды никто из моих одноклассников не скажет, и я снова останусь виноватой!

Рядом с основным выходом находилась будка вахтёра. По идее в ней должен был дежурить кто-то и не выпускать нас без разрешения за ворота. На деле же она часто пустовала – вахтёры, случалось, просто уходили в запой – поэтому сейчас я спокойно вышла и отправилась, куда глаза глядят.

Вскоре оказалось, что глядели они в сторону ... библиотеки. Я и сама не поняла, как попала сюда, поэтому некоторое время просто стояла и глазела на известную мне дверь. Интересно, что там старик говорил? Что люди её не видят? Сейчас проверим – заняться всё равно нечем. Я уселась на сырую лавку почти напротив двери, подложив рюкзак, и внимательно наблюдая за людьми, идущими по улице. Их было немного, но никто из них даже не посмотрел в её сторону. Конечно, так себе эксперимент, но какое-то подтверждение слов старика нашлось. Хотя не заметили люди дверь, и что? Это ж всё-таки не Триумфальная арка как-никак...

Пока я сидела и смотрела, желание войти туда стало непреодолимым. Я так нервничала, что по привычке стала грызть ноготь на большом пальце, и остановилась только, когда прикусила щёку. Ойкнув, я вскочила с лавки, схватила рюкзак и зашагала к двери. Там, может, вообще никого нет, так чего я завелась?

Перед дверью я на секунду замешкалась, думая, а надо ли стучать? Прошлый раз я прекрасно вошла без стука, но тогда я и не знала, что там кто-то есть! Поэтому я достаточно быстро пришла к компромиссу – стукнула и тут же дёрнула за ручку, которая, вопреки холодной погоде, была тёплой и приятной на ощупь. В глубине души я даже испугалась, что дверь не откроется, и мне останется только вернуться назад. Но, нет! Она открылась так охотно, словно кто-то заботливо смазал все петли, и я переступила через порог...

Опыт возвращения домой у меня был не очень большой. Да и "чувство дома" давным-давно стёрлось из моей памяти. Наверно, когда я была совсем маленькой и ничего не понимала, оно было. Но потом, сколько себя помню, я старалась проскочить так, чтобы пьяные

родители меня не заметили. Мне кажется, иногда они даже не помнили, что в их доме живёт ребёнок. Возможно, изредка, когда заканчивалась водка, или в те несколько недель, когда кто-то из соседей вызвал-таки к нам проверку.

Пришедший участковый осмотрел наше неказистое жильё и сообщил куда-то ещё. К нам явились женщины, очень на вид суровые, и без всякой улыбки начали спрашивать у меня, как мне живётся. Я до сих пор помню их поджатые губы и сведённые к переносице брови – у меня тогда сложилось ощущение, что я в чём-то провинилась, так строго они со мной разговаривали. Из-за этого я сказала, что всё хорошо, меня не бьют и не морят голодом. Я даже прочитала им отрывок из какого-то стихотворения, разученного к моему первому утреннику в школе. Они что-то пообсуждали вполголоса, повели родителей на кухню и долго с ними разговаривали.

После их ухода стало ещё хуже, потому что родители разозлились на меня. К тому же, папе пришлось устроиться на работу, и он приходил злой и постоянно орал на всех. Не знаю, на что мы до этого жили, но особой разницы я не заметила: в доме по-прежнему был хлеб, холодные макароны или каша и дешёвые сосиски, которые я грызла иногда прямо замороженными.

Так вот, никакой радости я при возвращении домой не испытывала. Даже старалась задержаться подольше, надеясь, что когда приду, родители будут уже спать. Ни в одном из детских домов тоже не возникало чувства дома. Конечно, издалека они казались тихой гаванью, здесь была крыша над головой, еда, одежда, и, чтобы там не говорили, нас не били, а местами даже жалели. Хотя такие люди, как Варвара, если они на самом деле люди, встречались не так уж редко. Чаще в отношении нас было две позиции: либо "ой, бедные, несчастные, сиротки", либо "извините, от осинки не родятся апельсинки". К тому же из всех углов несло казёнщиной: режим, общая столовая, спальня, в которую мог зайти, кто угодно, забор, отделявший то ли нас от мира, то ли мир от нас – всё это бесило, и никакой радости от возвращения в ТАКИЕ родные стены я не испытывала.

Сейчас же, стоя на пороге чудовищно захламлённой комнаты, я почувствовала, как внутри меня разливается тепло. Наверно, я просто замёрзла от шатаний по улице, но странное чувство, словно я просто заблудилась и забыла дорогу к дому, но, несмотря на это, всё же смогла в него вернуться, возникло внутри меня.

Я даже фыркнула, когда поняла, о чём думаю. Дом! Ну-ну!

Послышались шаги, и Теофилус вновь вынырнул из-за шкафов и, как мне показалось, ничуть не удивился.

– А, Катерина! Правильно? Проходите! Я знал, чувствовал, что вы придёте! Рад вас видеть!

Таких слов мне точно никто не говорил, поэтому моё приветствие получилось скомканным:

– Здравствуйте. Мне можно? Зайти?

– Ну, конечно! Нужно! У меня, знаете ли, совсем нет времени, а уборка стоит! Если пожелаете, можете помочь, а я ... как это ... в долгу не останусь! Вам снова доклад нужен?

– Да нет. Я просто зашла.

С этими словами я всё-таки решила осмотреться и двинулась вдоль шкафов, разглядывая их.

– Вот и хорошо! Я сейчас напую вас чаем, а потом...

Его голос превратился в невнятное бурчание. Скорее всего, он вышел в соседнюю комнату – я заметила дверь за его столом ещё в первый свой визит.

Честно говоря, меня сейчас не особо интересовало, что он там бормочет. Я шла между шкафами, осторожно прикасаясь к книгам, вдыхая их неповторимый аромат и впервые за долгое время чувствуя радость. В эту секунду я забыла обо всех утренних неприятностях, смятение и хандра прошли, и я готова была остаться в непонятном месте навсегда!

Конечно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что всё здесь в печальном состоянии. Книги стояли пыльные, на полках и по углам кое-где скопилась паутина, старые книжки лежали вперемешку с новыми, тут и там валялись стопки каких-то бумажек и стояли цветочные горшки с сухими палками вместо цветов. Странный человек! Сказал, что книги для него – это вся жизнь, а сам здесь всё так запустил!

Я бродила до тех пор, пока Теофилус (ну и имя!) не вернулся с расписанным красными и золотыми цветами чайником, от которого исходил аромат каких-то ягод. Я вдохнула его и с удовольствием позволила хозяину налить мне чай в такую же красивую чашку.

Теофилус уселся напротив меня, и я растерялась, понимая, что меня сейчас ждут расспросы. Излишней деликатностью я никогда не отличалась, поэтому, глотнув на всякий случай сладкого ароматного горячего чая, сказала:

– Послушайте, можно я сразу скажу? Я просто помогу вам здесь убраться, ладно? Не надо меня ни о чём спрашивать! Я просто живу тут недалеко... Мне ... несложно. Всё равно делать нечего.

Теофилус улыбнулся и ответил:

– Да я, признаться, и не собирался! Вы очень меня выручите, Катя! К тому же, скорее всего, мне снова придётся отлучиться! Так что, чем быстрее мы управимся, тем лучше!

– Вы что, уезжаете?

– Пока не знаю. Но всё возможно! Пейте, Катя, пейте и ... приступим! Ох, как же тут всё захламилось!

В этом он был абсолютно прав!

Трудно даже представить, сколько времени понадобилось, чтобы собрать в одном месте такое количество книг! И если бы только книг! Подсвечники, охапки каких-то трав, которые мне не разрешили выбросить, старые чернильницы и перья, непонятные штуки из дерева и металла, свитки, свёрнутые в рулоны карты (наверно, очень старые, потому что ни одной страны, обозначенной на них, я не знала), клетка с птичьими перьями, глиняные таблички, плоски – вот неполный перечень того, что я смогла заметить только в первый день!

Когда я спросила Теофилуса, откуда столько всего, он сказал:

– Я много путешествую, Катя. И люблю собирать всякие редкости. Вот эту вазу я привёз из ... даже не помню, откуда, признаться. Но она очень старая! Смотри! Видно?

По краю вазы, действительно, шли какие-то надписи на непонятном языке. Я пожалала плечами и отстала от него. Любит так любит!

Конечно, нечего было и думать о том, чтобы убраться за пару дней! Только на то, чтобы немного расчистить пространство, протереть окна, подмести полы мне понадобилась неделя. Всё это время я даже не приближалась к шкафам, но каждый свободный момент, который удавалось выгадать в детском доме, я теперь проводила здесь.

За первое отсутствие мне, конечно, крепко влетело, но я даже не огрызнулась ни разу – боялась, что больше за ворота меня не отпустят.

Спустя пару дней, когда всё затихло, я подошла к воспитательнице и отпросилась в библиотеку, при этом сделав максимально честное лицо. Ольга Викторовна долго думала, но отпустила, предупредив, что если я ещё раз её подведу, такого больше не повторится!

Подводить я её не собиралась, потому что планировала бегать в библиотеку при каждом удобном случае. К тому же, это значительно сокращало то время, когда я могла попасться на глаза Варваре или Ритке с Артёмом. По его взгляду я сразу поняла, что он не простил той бумажки в лицо, и быть с ним поблизости побаивалась. Одно дело – действовать в запале, а другое – нарочно пытаться спровоцировать человека, который итак тебя терпеть не может!

Медленно, но верно я всё же подбиралась к шкафам. Тут меня поджидал сюрприз, потому что многие оказались закрыты, и Теофилус категорически отказывался их открывать.

Вообще, временами он был очень вредным и привередливым. Постоянно просил быть осторожнее, ничего не сломать ненароком, не выкинуть, не потерять. Зато, когда я спросила, сколько книг в его библиотеке, он с виноватым видом ретировался за свой стол и принялся что-то там делать. К столу он, понятное дело, меня не подпускал.

К концу недели в библиотеке стало чуть светлее, со шкафов (я даже не старалась посчитать, сколько их было!) я смахнула пыль и протёрла все найденные подсвечники. Я никогда не видела, чтобы хозяин библиотеки их зажигал, но их красота давно потерялась под свечным воском.

С Теофилюсом за эту неделю мы говорили очень мало. Я не собиралась откровенничать, и даже то, что из интерната, постаралась скрыть. У многих людей, случайно встреченных мною, было своё отношение к "интернатовским", так что я, наученная опытом, не спешила с признаниями. С другой стороны, его жизнь меня тоже не слишком интересовала. Тем более большую часть времени он проводил за своим столом, постоянно переписывая что-то. Иногда меня это даже бесило, потому что помощи от него в уборке я не заметила. В такие моменты я чувствовала себя Золушкой и начинала злиться, обещая себе, что больше не приду!

Но напрасно! Каждый вечер наступал какой-то удивительный момент, когда Теофилюс отрывался от своих бумажек и книжек, садился в старое кресло с выцветшим пледом и начинал рассказывать. Всё равно что. Иногда он просто читала, причём было ощущение, что он знал, какое у меня настроение, и книжку выбирал ему под стать. Иногда это было что-то смешное, иногда трогательное, в нескольких моментах я с трудом подавила слёзы, опустив голову и притворившись, что рассматриваю узор на чашке. Временами это были сказки, вроде бы знакомые с детства, но в его исполнении звучавшие как-то по-особенному, а бывало и что-то серьёзное, но преподнесенное не так нудно и вычурно, как обычно бывает у взрослых, пытающихся поговорить с детьми о чём-то важном. Всё это сопровождалось неизменным чаем, каждый раз новым: иногда он пах клубникой и мятой, в другой раз – какими-то душистыми травами (тут я даже радовалась, что не выкинула их на помойку), или апельсином, или корицей, и так, мне кажется, до бесконечности!

Такие вечера я очень любила, хотя говорить об этом Теофилюсу не собиралась.

Иногда он напоминал мне, что вскоре может уехать, и в такие моменты я думала о том, что лучше бы мне больше не приходиться – привыкнуть к хорошему просто, а вот, что дальше?

Но даже, несмотря на такие мысли, это были лучшие дни моей жизни!

На улице постепенно холодало, дорога к библиотеке покрывалась ковром из разноцветных листьев, и Малыш весело шуршал ими, сопровождая меня – мне не хотелось, чтобы он проводил всё время в холодном подвале, куда я проделала ход, как только зарядили дожди, и я часто брала его с собой.

У меня, наконец, дошли руки и до многочисленных книг. Работы тут было, наверно, на полжизни, но это не пугало. Напротив, я не торопилась. У меня было ощущение, что как только я закончу работу, больше не будет повода приходить сюда, а за это время библиотека потихоньку превратилась для меня в особое место.

Я уже знала, что травы, испускающие нежный лимонный аромат, – это вербена, а пахнущие горьковато-терпко – полынь; что дверцы у красного шкафчика закрыты на ключ, а у другого, стоящего рядом, скрипят и открываются при каждом движении; что у столика, на который Теофилюс обычно ставил чайник, вот-вот сломается ножка, а сами чайники у него всегда разные, от обычных глиняных до тонких, сделанных из фарфора, расписанных разными узорами или цветами.

И, конечно, книги! О, сколько их было! Толстые и тонкие, в переплётах из кожи и из ткани, написанные на разных языках, с картинками и без, со страницами, пожелтевшими от времени, или, напротив, такие новые, что ещё чувствовался запах типографской краски! Они манили меня, и иногда большую часть времени я проводила не за уборкой, а за чтением.

Я старательно вытаскивала их из шкафов, протираюла полки, убирала паутину и ставила назад, смахнув пыль и с них тоже. Мне приходилось залазить на стремянку, найденную в углу, что было не так просто из-за хромоты, но я делала это с удовольствием, уже предвкушая момент, когда, наконец, все шкафы будут приведены в порядок.

С Теофикусом мы тоже стали общаться чаще. Меня то и дело интересовала то одна, то другая книга. Он подробно рассказывал мне о них, иногда спокойно, иногда меряя шагами библиотеку и даже подпрыгивая от восхищения. Меня забавляли такие моменты, потому что его отношение к книгам было таким же, как у меня в детстве. Они казались мне живыми, нуждающимися в заботе и ласке, друзьями, у которых ищешь совета в трудную минуту. Конечно, об этом я Теофикусу сказать постеснялась, так же, как и о том, сколько раз в детстве представляла себя героиней сказок!

Как-то, переставляя в очередной раз толстые тома, я спросила, почему он так любит книги, что посвятил им всю жизнь.

– Не книги, Катя! Истории, заключённые в них! Ты хоть представляешь, что это такое! Представь себе, твои далёкие предки сидели вокруг костров, а рядом с ними кипела и бурлила жизнь! – приговаривал он одним вечером, разливая дымящийся, пахнувший чем-то пряным чай.– Она была непонятной и пугающей, она убивала порой быстрее, чем человек успевал понять и осознать свою смерть, она была сложной и отчаянной, и нужно было учиться всему очень быстро! В то время слова, истории были необходимы, чтобы выжить! Люди рассказывали друг другу сказки о чудовищах, обитающих в чаще леса, о мощи воды и огня, о страшных небесных знаменьях, в коих видели гнев первых богов, – и так учились жить. Они передавали эти знания из поколения в поколение! И так долго-долго, до тех пор, пока не научились писать! А когда научились.... О! Сколько невероятного, прекрасного, волшебного было создано! И каждая из этих историй меняла людей. Некоторые обладали способностью менять всё человечество. Вся история этого мира – это история магии слова!

На этом моменте я хмыкнула. Магия! Как же!

Теофикус заметил мою реакцию и спросил:

–Ты мне не веришь?

–Да нет. Просто вы ... – мне очень хотелось сказать, что он отстал от жизни, но я не решилась. – Просто сейчас мало кто любит читать. Только взрослые, и то не все. Вон наши воспитательницы только сериалы и смотрят! Нас читать заставляют, а сами давно забыли, когда книжки в руках держали. А дети ... Наши только в интернете сидят. Никто сейчас не читает, Теофикус!

–Это ты так думаешь, Катя! Но люди, сколько бы не проходило времени, всегда возвращаются к книгам.

В библиотеке, кстати, не было ни телевизора, ни компьютера с интернетом, даже радио. А сам Теофикус ни разу не пользовался на моей памяти мобильным, я не заметила тут даже простого телефона.

С каждым днём я привыкала к своему новому окружению больше и больше. Все проблемы оставались за стенами библиотеки: Варвара с её угрожающе сдвинутыми бровями, похожими на червяков, и маленькой головкой на жирных плечах, гадкая ухмылка Маргариты и брезгливая – Артёма, смех и издёвки одноклассников, шёпотом, чтобы не слышали взрослые, произнесённые оскорбления – всё это оставалось снаружи, и дверь не пускала их внутрь, наряду с дождём и ветром.

На уроках я по-прежнему, старалась не высовываться, но теперь приходилось работать лучше. Мне нужен был повод, чтобы взять тему для доклада и пойти в библиотеку, поэтому после уроков я заставляла себя подходить к учителям и просить их, чтобы дали мне задание. Слегка ошарашенные моим рвением, они всё же шли навстречу, и я показывала воспитателям домашнее задание, предполагавшее поход в библиотеку. На вопрос, почему бы мне не восполь-

зоваться интернетом в школе, я говорила, что от компьютера очень устают глаза, да и читать мне интереснее по книжкам.

Доклады я делала сама в оставшееся от уборки и разговоров с Теофикусом время. Иногда он помогал мне, так как знал, как мне казалось, всё на свете! Он приносил несколько книг, и мы подолгу сидели, выбирая нужный материал, или я просто слушала его рассказ и записывала то, что могло пригодиться.

В конце второго месяца со дня нашего знакомства я почти закончила со всеми делами, кроме его стола. И тут старик наотрез отказался от моей помощи. Я пыталась на цыпочках пробраться мимо него с тряпкой для пыли, но и эти попытки он раз за разом пресекал.

– Теофикус, там грязь кругом! Посмотрите, паутина на ножках! Я аккуратно, никуда ничего не дену, обещаю!

– Нет, нет, нет. Здесь очень важные книги и документы, Катерина! Я сам!

Но это "сам" так и не наступило, поэтому чудовищно захламлённый огромный стол так и мозолил мне глаза своим неряшливым видом.

Помимо этого пунктика у Теофикуса была ещё раздражающая привычка менять всё местами. Наводя порядок в открытых шкафах, я расставляла книги так, как мне показалось наиболее удобно, потому что, когда спрашивала его, он утверждал, что это не имеет значения. Он говорил, что сможет найти любую книгу, которая ему нужна. Однако мой порядок, видимо, пришёлся ему не по вкусу, и несколько раз подряд он переставлял и переключивал книги, как угодно. Я, естественно, начала возмущаться, но тут он притворился глухим, и мои возмущённые вопли его не тронули.

Потом я стала замечать шорохи и даже предложила старику купить средство от мышей – не то чтобы я их очень боялась, но книги было жалко. Он ответил, что всё в порядке, и никаких мышей здесь отродясь не было. От человека, который порой не мог найти собственные очки, такое утверждение звучало странно.

Подсвечники, книги, горшки с цветами, больше похожими на гербарий, банки с травами и порошками, чернильницы и прочая мелочь жили собственной жизнью и постоянно перемещались в пространстве. Я просто поражалась тому, как Теофикусу не надоедает всё это делать после моего ухода! В моём присутствии он сидел и не проявлял никакой активности, разве что любил поговорить, а когда я уходила, судя по всему, начинал скакать по всей библиотеке в своём любимом кресле!

Временами, мне казалось, что он что-то скрывает – настолько уединённым и оторванным от жизни было его убежище, что поначалу меня это немного пугало. Я не представляла, чем он занимается весь день, пока меня нет. Ходит ли куда-нибудь? Чем питается? Есть ли у него родственники? Почему он здесь совсем один? Я не осмеливалась спрашивать о детях или внуках, мне это казалось неудобным. В то же время, даже убирая библиотеку, я не заметила ни одного письма, конверта, да хоть клочка бумаги, указывающего на то, что он с кем-то переписывается. Всё это, вкупе с тем, что я не видела телефона, наводило на странные мысли.

Иногда я задавала осторожные вопросы, вроде того, как долго он здесь живёт. И получала простой ответ. Всю жизнь. Конечно, я объясняла это его увлечённостью, и понемногу сдавалась, предполагая, что у него могли быть свои причины скрывать что-нибудь. Я надеялась, что это не психическое расстройство, хотя кое-что настораживало. Я, например, иногда не замечала дверную ручку! В первый день мне это не показалось! Наверно, это была какая-то особенно остроумная шутка, но я предпочитала не спрашивать. Мало ли что услышу в ответ?

Я закончила с уборкой, когда окончательно похолодало. Лили дожди, многие ребята и взрослые заболели, и мы с Малышом приходили вымокшие до нитки и замёрзшие. Я сама хлюпала носом, и Теофикус беспрестанно поил меня травяными чаями, веря в их целебную силу.

Теперь я сидела в кресле, закутавшись в тёплый старый плед, и думая о том, а что дальше? Теофилус пока не заводил речь об отъезде, но я внезапно начала чувствовать себя незваной гостьей. Может, он просто стесняется сказать, что мне больше незачем приходить? Своё обещание я сдержала, разобрать библиотеку помогла, так нужна ли я здесь ещё? А что если это только мне хорошо и комфортно, а старик, заложник старого воспитания, чувствует себя не в своей тарелке? Что делать? Спросить прямо? Или молчать?

Так и не придя к какому-то решению, я решила сократить количество визитов. К тому же многих в школе итак удивляло то рвение, с которым я взялась за учёбу, так зачем ещё больше привлекать к себе внимание?

Хватило меня, правда, ненадолго. Я промаялась два дня, прежде чем снова отпроситься у воспитателя и отправиться в библиотеку. Теофилус встретил меня, как обычно, и моих терзаний не заметил. Мы весело провели время с чаем, Малышом и книгами, и на обратном пути я решила, что всё это глупости. Не буду думать, что ждёт дальше. В библиотеке мне хорошо, там я чувствую себя не прокажённой, а нормальным человеком, так что ещё мне надо? В конце концов, если Теофилус и уедет, может не навсегда? Куда он потащится со своим архивом? Ему же отдельный поезд понадобится для всех книг и бумажек!

Время шло, дни текли один за другим, дорожка к библиотеке то покрывалась тонким ледком, то оттаивала и тонула в грязи, а я по-прежнему проводила там всё свободное время, не замечая туч, сгушавшихся над моей головой.

Глава 3

Решение всех мучивших меня загадок, вопросов и сомнений нашлось неожиданно и зависело, как многое в моей жизни, не от меня.

Тот день пошёл кувырком с утра.

Началось всё с контрольной по литературе. Сделанный дома тест пропал. Я знала, что это не так страшно. Ну, приду на дополнительные занятия после уроков и всё. Время у меня сегодня было: ещё вчера я сказала Теофилусу, что не приду, чтобы не пробуждать подозрений – в общей сложности я выбиралась к нему три-четыре раза в неделю. В дни, когда я никуда не шла, я предпочитала поменьше появляться в группе, поэтому частенько сидела на дополнительных занятиях. Занятия по литературе были любимыми: мне нравился и сам предмет, и наш учитель. Он был ещё молод и рассказывал интереснее, чем остальные учителя, уставшие от детей. На его уроки ходили все и с удовольствием слушали длинные рассказы, которые не были ни скучными, ни нудными.

Так что, с одной стороны, пропавший тест проблемой не был, с другой – мне надоело терпеть выходки Ритки и её компании. Последнее время я, занятая своими делами, их почти не видела, но нисколько не соскучилась, а вот они, видимо, наоборот. После Осеннего бала, на который я не пошла, они никак не могли найти момент и отомстить за тот случай, когда я бросила Артёму в лицо его же бумажку. Мелкие подколки я не считала, но своими любимыми методами они действовать не могли, потому что в группе я бывала редко. В то, что взрослые смогут решить мои проблемы, я не верила, поэтому воспитателям не жаловалась. Тем более, в их присутствии Артём не проявлял агрессии, и Ритка на уроках тоже вела себя спокойно – они оба входили в актив школы, так же, как и большая часть их друзей, и пятна на биографии им были не нужны.

В наших стычках, по общему мнению, виновата была я. Я провоцировала, задевала, оскорбляла и так далее. Никто не задавался вопросом, а зачем бы мне нужно было провоцировать Артёма, который был выше меня сантиметров на двадцать и весил соответственно? Но я не торопилась откровенничать, жизнь приучила к тому, что свои проблемы нужно решать самостоятельно, поэтому для всех оставалась идеальной мишенью.

Я очень боялась, что вся эта ситуация в итоге закончится проблемами, которые я не смогу решить. Например, как неуправляемую и агрессивную, меня по рекомендации школьного психолога могли положить на лечение в психбольницу. А он уже пару раз подбирался ко мне, сочувственно глядя в глаза и предлагая поговорить. Зная, куда могут привести такие разговоры, я избегала встреч. Вечно так продолжаться не могло – здесь часто поступали таким образом с проблемными детьми, которые не хотели учиться, сбегали или проявляли агрессию. Это поведение считалось отклонением от нормы (Варвара так и говорила на каждом общешкольном собрании, глядя мне в глаза), и реагировали на него соответственно: месяц или два, проведённые в психбольнице, как правило, или перевод в спецшколу – другой интернат, но уже закрытый, обнесённый колючей проволокой и с режимом как на зоне. Ни то, ни другое не входило в мои планы, поэтому войны я старалась избежать, памятуя о том, что итак "на карандаше" у Варвары.

Однако в тот день во мне что-то щёлкнуло, так что после уроков вместо отработки я отправилась на поиски Артёма. С утра забрать у меня из рюкзака тест мог только он, а значит, ему и отвечать. Если же рядом окажется Ритка, тем хуже для неё! Я старалась не высовываться и не попадаться им на глаза, понимая, что против всей их компании у меня нет шансов, но иногда сил терпеть просто не хватало.

Всю компанию я нашла за одним из старых зданий. Раньше здесь была начальная школа или детский сад, но в последние годы детей стало меньше, и корпус закрыли. Здание стояло в

отдалении, полускрытое старыми деревьями, поэтому представляло собой идеальное место для разного рода сборищ. Здесь кипела бурная жизнь: старшеклассники и даже ребята поменьше собирались компаниями, чтобы поговорить, покурить или даже выпить. Две последние вещи, естественно, были строжайше запрещены, но это мало кого останавливало. Справедливости ради надо сказать, что спиртным не злоупотребляли, но всё же случалось. Я, понятное дело, ни в какие компании не попадала, поэтому моё появление здесь было встречено радостными возгласами – все почувствовали близящееся развлечение. Мне не хотелось выступать в роли клоуна, поэтому обратилась я прямо к Артёму:

– Эй, тест верни!

Сидящие рядом ожидаемо отреагировали смехом и подзуживанием:

–Слышь, Тёмыч! Это она тебе!

–Ответь девушке, а то вдруг заплачет!

Как же! Я знала, что им бы очень этого хотелось, поэтому, честно говоря, никогда первая не начинала конфликт, но сегодня завелась – моё терпение давно уже было на пределе.

Артём же, приобняв Ритку, сидел и нахально улыбался. Он явно хотел, чтобы я завелась ещё больше.

–Я не расслышал, что ты там вякаешь, Воронцова! Повтори!

Ритка заулыбалась ещё сильнее, остальные заржали.

–Тест отдай!

–А ты заслужи! Я же не для того старался, чтобы просто так отдать! Давай на желание – исполняешь наши, я тебе тест!

За то, что я сказала дальше, перед Теофилусом мне было бы стыдно. Но не здесь.

–Слышь, ты, выдра, рот закрой!

–А то что?

–Что-то ты сегодня больно смелая! В морду получишь, поняла? Вали отсюда, убогая!

– Сам что ли дашь? Или ты смелый только чужую домашку воровать? На всё остальное силёнок не хватает?

Я понимала, что нарываюсь. К тому же, стоять вот так, внизу ступеней, было очень некомфортно и страшно. Все ребята смотрели на меня сверху, их ухмыляющиеся лица были наполнены нетерпением, и я понимала, что перешла запретную черту. Долгое время я просто защищалась, и моё поведение сегодня было для них неожиданностью.

Артём встал, остальные тут же затихли. Потом один из них, насколько я помню, звали его Вова, и из всей компании он был самым старшим, сказал:

–Не надо, Тёмыч! Она ж дура просто! Стой!

Тот сбросил с плеча руку приятеля и подошёл ко мне. Я смотрела прямо в глаза, изо всех сил стараясь не показать, что мне страшно. Не знаю, вряд ли он считал, что бить девочек нельзя.

–Сейчас ты развернёшься и пойдёшь отсюда. Поняла? И забудь про свою домашку. Всё, нет её! И ещё раз подойдёшь ко мне или Рите, и тебе конец! Ты поняла?

Он больно схватил меня за плечи и развернул, толкнув так, что я пролетела пару метров и упала на землю. Упала неудачно, приложившись головой, и поцарапав руки о камни и стекло, разбросанные вокруг корпуса детского сада. Мне было так больно и обидно, что кровь загрохотала в висках, и я встала, сжав в руке кусок стекла. Засмеявшаяся было Ритка заткнулась, все смотрели на меня. Артём присвистнул:

–Теперь поняла? Ещё будешь рот раскрывать, я добавлю!

Я бросилась на него, забыв о том, что вещь раза в два меньше, замахнулась осколком стекла, и тот прошёл так близко от его лица, что Артём, кажется, побледнел. Затем поднял руку, и я снова полетела на землю, чувствуя боль в спине. Тут же на меня посыпались тумаки, и я лишь закрыла руками голову, чтобы избежать ударов по ней.

Вот тут начался переполох. Сквозь шум в ушах я услышала, как Ритка пытается успокоить своего дружка. Заботилась она не обо мне, понятно. Просто не хотела, чтобы влетело ему. Снова вмешались остальные ребята, и я услышала, как Вовка увещевает Артёма уйти. Тот вначале попытался вырваться:

– Ты что, не видел? Она мне чуть в лицо стеклом не дала, тварь!

Но потом успокоился, видимо, понял, что на его крики скоро сбегутся взрослые, наклонился ко мне и прошипел:

– Я тебе это припомню! Ты у меня ещё получишь!

Я не могла подняться, и он, походя, пнул меня носком ноги.

Через пару минут их не стало. Я села, почувствовав, как болит лицо и спина, а намокшие джинсы неприятно холодят ноги. Откуда-то выскочил Малыш и завертелся рядом, поскуливая и толкая меня холодным носом. Он будто извинялся, что опоздал, не успел меня защитить, и я чуть не расплакалась. Но тут же опомнилась: я не знала, далеко ли ушли мои враги, и не хотела, чтобы, вернувшись, они застали меня мокрую, грязную и плачущую. Я не представляла, как зайду сейчас в группу, в которой, наверняка, будет сидеть Артём и гадко улыбаться. Конечно, можно было бы всё рассказать воспитателю, но зачем? Опять решат, что это я спровоцировала, а Варвара только ищет повод испортить мне жизнь!

– Не надо, Малыш, подожди... – я с трудом поднялась, чувствуя боль в спине. – Стой!

Бедный пёс запрыгал вокруг меня, радуясь тому, что мне удалось подняться, и я погладила его по голове. Нет, ты не виноват, Малыш, вряд ли ты смог бы что-то сделать, ещё бы и тебе досталось!

Я не могла вернуться в группу. Не сейчас. Мне было больно и плохо, а в груди образовался такой ком, что я боялась, как бы он не задушил меня. Мне надо было срочно выбраться отсюда, уйти, убежать, что угодно, только бы не видеть больше этих глумливых рож!!!

– Малыш, пойдём... пойдём, – я позвала пса и пошла, с каждым шагом всё быстрее и быстрее в единственное место, где могла спрятаться от всех, – в библиотеку.

Конечно, я не предупреждала Теофируса, но у меня и в мыслях не было, что он может быть против. Малыш трусил рядом, иногда поглядывая на меня. Точно также, с лёгким недоумением, на меня поглядывали немногочисленные прохожие. Высокий худой парень со светлыми волосами даже присвистнул, как совсем недавно Артём, и я опустила лицо глубже в воротник. Если меня будут искать, то найдут быстро – сегодня я очень приметна!

Я осторожно повернула ручку – не стараясь войти тайком, просто рукам было очень больно, хотя кровь уже остановилась. В библиотеке было на удивление светло, наверно, Теофирус зажёл свечи. Я вошла внутрь, впустила Малыша и, сделав несколько шагов вглубь, замерла....

По воздуху плыли свечи. В начищенных мною подсвечниках и без, они висели в воздухе, будто в библиотеке внезапно появилась невесомость. Я посмотрела на стол старика и увидела его самого. Не поднимая головы, он взмахнул рукой – и несколько книг с разных полок порхнули и улеглись аккуратной стопочкой на поверхности. Потом взмахнул снова, и один из подсвечников пролетел так близко от моего лица, что чуть не задел его. И тут Малыш, который, естественно, не удивлялся происходящему, но хотел поприветствовать старика, тихонько твякнул.

Теофирус вскинул голову и посмотрел на меня. Наверно, вид у меня был настолько ошеломлённый, что он тоже потерял дар речи. Потом вздохнул и улыбнулся слегка виноватой улыбкой:

– Здравствуй, Катерина! Ну что ж, рано или поздно ты бы всё узнала! Проходи!

Я автоматически шагнула вперёд и почти упала в одно из кресел. Тут же заболела спина, и я ахнула. Эхом отозвался вскрик Теофируса, который только разглядел моё состояние.

–Катерина, что случилось? Ты цела?

Я даже не нашлась, что ответить! Все события этого дня выбили меня из привычного состояния, ошарашили, и мозг отказывался понимать, что происходит. Между тем старик приблизился ко мне (подсвечник плыл рядом с ним) и сказал:

– Я понимаю, что всё, что ты видишь сейчас, кажется тебе... необычным, но вопросы оставим напоследок, а пока займёмся тобой, хорошо?

Я кивнула, ощущая странное безразличие, и прикрыла глаза. Тело согрелось, и я сама не заметила, как заснула.

–Катерина... Катя!– голос доносился, словно сквозь вату. Мне было так тепло и хорошо, что открывать глаза совсем не хотелось. Мне снился странный сон про летающие книги и свечи, но почему-то это не казалось неправильным. К тому же, по мере того, как я просыпалась, ко мне возвращались воспоминания о драке, и я осознала, что, наверно, нахожусь в нашем медпункте, и как только открою глаза, неприятности не заставят себя ждать. Тут же я почувствовала, как кто-то тычет в меня чем-то мокрым и холодным, и удивилась, сообразив, что это Малыш. Кто пустил его в медпункт?

–Катя... – я наконец-то узнала голос и открыла глаза.– С возвращением!

Я поняла что, во-первых, всё ещё сижу в кресле, а, во-вторых, отдохнула так хорошо, словно проспала часов десять. Хотя, возможно, это недалеко от истины.

–Я... Сколько я спала?

–О, не волнуйся! Не более получаса! Как ты себя чувствуешь?

–Нормально... Хорошо. У меня... ничего не болит!

Я поднесла руки к глазам и уставилась на них – там не было ни одного пореза, ни одной ссадины! Вообще, ничего, будто бы ничего и не происходило! Я пошевелилась и поняла, что спина тоже не болит. Теофилус улыбнулся, но ничего не сказал.

Заговорила я:

–Что вы сделали? Такого не может быть!

–Может... Очень даже может! Кажется, я должен тебе кое-что объяснить. Но, прежде, чем начать, Катя... Ты что-то хочешь спросить?

У меня было странное ощущение, что он ждал этого вопроса. Возможно, ждал давно, думая, когда же я замечу все странности, что творятся кругом. Он ждал, но я не хотела этого видеть, пока не столкнулась с тайной нос к носу. И даже сейчас я медлила, опасаясь, что ответ мне не понравится, что я не буду готова к нему.

–Кто вы, Теофилус?

–О, это вопрос, на который я бы хотел ответить в последнюю очередь! Я подскажу тебе. Как ты думаешь, ты случайно нашла сюда вход?

–Что? ...Не знаю! Хотите сказать, что со мной что-то не так?

–На мой взгляд, с тобой всё в порядке. Теперь... На протяжении всего этого времени, меня очень интересовал вопрос, кто ты?

–Я?

Может, он узнал правду? О том, что я из интерната? Мне стало неудобно.

–Теофилус, извините, я должна была вам рассказать... Я просто боялась...

–Ты о чём, Катя?

–Об интернате.

Я почувствовала, как краска заливает моё лицо. А если он меня выгонит?

–Об интернате? Я смотрю, не мне одному есть, что скрывать! Но я не об этом, Катя. Хотя, конечно, с удовольствием выслушаю твою историю!

Не об этом? Я, наконец, осмелилась поднять глаза. Теофилус улыбался, но вид у него по-прежнему был смущённый и неуверенный. Так, что здесь происходит?

– Мне кажется, ты не всё знаешь, Катя. Я ждал этого момента. С того самого дня, как ты нашла дверь, я следил за тобой. Нет, не подумай плохого! Просто наблюдал. Мне стало интересно, почему ты увидела нечто, невидимое другим. Я без конца читал книги, проверял записи Сказочника, но не находил ответа. А он был у меня под носом. Хранительница! Ты – Хранительница этой Библиотеки! Я назвал бы это именно так, потому что другого имени не существует...

– Какого Сказочника? Кто я? – мне стало смешно: уж очень неуместно звучало это слово по отношению ко мне! Бриллиантовая корона, надетая на замухрышку! – Теофилус, да вы с ума сошли? Какая Хранительница?

В своей жизни я испытала последствия многих неудачных шуток, поэтому сейчас начала злиться! Я тут ломалась несколько месяцев, помогала старику во всём, а теперь он показывает мне дешёвые фокусы и шутит! Он просто сумасшедший? В запале я даже не подумала о том, что заставить летать по воздуху свечи или убрать в одну минуту следы порезов не сможет ни один самый ловкий фокусник.

Сам Теофилус оставался спокойным и даже улыбнулся.

– Выслушай меня. Если быть более точным, ты – хранительница историй, я бы сказал. Можешь назвать, как тебе удобно. И если ты прекратишь злиться, я объясню, что всё это значит.

Злость стала ещё сильнее, и я заорала:

– КАКИХ ЕЩЁ ИСТОРИЙ?! ЧТО ВЫ НЕСЁТЕ?! Я ВАМ ВЕРИЛА, ДУМАЛА, ВЫ НОРМАЛЬНЫЙ, А ВЫ...

Я вскочила и тут...

Всё пространство вокруг меня залило светом. Оказалось, что я стою почти в центре огромного зала. Каменные стены (где облупившаяся штукатурка, где она?) местами покрывала зелень какого-то растения, несколько резных дверей вели в неведомые мне комнаты. Обшарпанные разномастные шкафы исчезли, уступив место другим – высоким, массивным, тёмного дерева. На полках лежали и стояли знакомые мне книги. Шкафы уходили вглубь, а прямо посреди зала возникла чудесная резная винтовая лестница, ведущая на следующий этаж. Кресла тоже были на месте, но преобразились так, словно их выкрали из королевского дворца. И везде лежали самые разные вещи и предметы, назначения которых я не знала, стояли банки с непонятными порошками, переливающимися в свете свечей, один на другой громоздились сундуки и шкапулки, заваленные перьями и свитками пергамента, на одной этажерке высился хрустальный шар, испуская таинственное свечение, на другой лежали рога неведомого мне существа, а над всем эти плыли по воздуху свечи. Я застыла, открыв от изумления рот. Мне показалось, что по всей библиотеке разливается странная мелодия, мягкая, успокаивающая, но, в то же время, придающая силы. Всю меня словно окутало тёплым плащом, и я застыла посреди всего этого великолепия, чувствуя себя Золушкой, ворвавшейся на бал в старом запачканном платье.

Я крутилась на одном месте, рассматривая каждую деталь, всё ещё отказываясь верить в реальность происходящего. Хотелось зажмуриться и изо всех сил ушипнуть себя, но я побоялась – даже если это сон, пусть он продолжается! Однако Теофилус, видимо, решил, что мне хватило времени, и сказал:

– Теперь, думаю, у тебя ещё больше вопросов! Давай присядем, и я всё расскажу.

Я почти забыла, что он здесь, но теперь перевела на него взгляд и тут же села, точнее, почти упала в кресло – изменилась не только библиотека, изменился и её странный хозяин. На нём было что-то напоминающее маскарадный костюм Гендальфа или какого-нибудь другого волшебника, и я проглотила смешок. Выглядел он внушительно, спору нет, но уж слишком

чудно было видеть это на нём после мятых костюмов и растоптанных туфель. И тут я поняла, что и страх, и злость прошли бесследно, и всю меня буквально распирало от какого-то нового чувства, смешанного с любопытством!

–Итак, на чём мы остановились?

С этими словами Теофилус махнул рукой, и из воздуха сам собой возник пузатый чайник и две чашки, плавно опустившиеся на стол. Запахло чем-то горьковатым и терпким, и чашка с горячим дымящимся чаем сама собой оказалась у меня в руке.

–Я расскажу тебе историю этого места, Катя. И это, я думаю, одна из самых невероятных историй, которые ты могла бы услышать.

Он улыбнулся мне, вдыхая аромат, плывущий в воздухе, и продолжил:

–Давным-давно жил на свете Сказочник. Я буду называть его так, потому что это единственное имя, под которым я его знал. Смыслом всей его жизни были истории. Великое множество волшебных, трогательных, поучительных, трагических, и даже страшных историй увидел мир благодаря нему. Они были необыкновенны: в самые тяжёлые моменты они врачевали души, давали надежду, веру в добро, справедливость, любовь. Все истории этого мира вышли из-под его пера. Его и его учеников. Они писали, видя его глазами, слыша его ушами, чувствуя всё то, что почувствовал он. Его дар был многогранен и бесценен, и всё самое прекрасное он дарил людям. Он учил их верить и жить по совести, любить и бороться за любовь. Эти истории изменили мир. Или правильнее сказать, они его создали. Не смотри на меня так. Я не смогу тебе в один вечер объяснить всего, до многого тебе придётся дойти самостоятельно. Однажды Сказочнику захотелось создать место, в котором удалось бы собрать всё, что было написано за многие века. Собрать и сохранить. Позже ты поймёшь от чего. Здесь, в этой Библиотеке Сказочник собрал истории мира. Посмотри вокруг. На этих полках стоят не просто книги, здесь живут ИСТОРИИ. И их герои. На протяжении многих веков, вдохновлённые ими, люди шли на подвиги, жертвовали собой, спасая других, боролись и побеждали. Но всё изменилось.

Мне показалось, что в библиотеке стало темнее, повеяло холодом и сыростью.

–Один из учеников Сказочника решил превзойти своего учителя. Истории, созданные им, были почти совершенны, но напоминали кривое зеркало – все добродетели в них превращались в пороки, высокие слова казались пустобрёхством, герои были глупы и нелепы. Он создал своих героев, которые были отражением его сути – жестокие, беспощадные, несущие боль и страх. Сказочник, видя это, навсегда изгнал его и оградил Библиотеку чарами. С тех давних пор ученик не может войти сюда и навредить наследию Сказочника. Конечно, изгнать идеи и истории ученика из этого мира оказалось невозможно. Они нашли своих последователей. Сказочник боялся, что своими книгами ученик причинил непоправимый вред этому миру. Подтверждений нашлось множество. И много лет назад он захотел увидеть, как живут люди, которым он подарил свои истории, решил на путешествие, вышел за эти двери и ... исчез. Или ... сбежал.

Последнее слово он произнёс так тихо, что я едва расслышала.

–Исчез? Я думала...

–Нет, Катя. Не я Сказочник. Я... – Теофилус замялся.– Он создал меня. Я должен был стать героем одной из его историй. Какой? Неведомо. Он не успел её написать. И всё, что мне остаётся – это попытаться найти его.

–Подождите... То есть, вы не ... не настоящий человек?

–Во-первых, я вообще не человек. Я волшебник. Таким меня создали. Но я, конечно, понимаю, что ты хочешь узнать. Нет, Катя, я существую, если так можно сказать, но мне всё время чего-то не хватает. Я не знаю, для чего появился на свет! Что должен был сделать? Наверно, любому знакомо это чувство.

Я промолчала. У старика всегда было полно сумасшедших идей!

–Но вы ... Я не знаю... Живой?

Теофилус засмеялся.

–Надеюсь, ты поверишь мне на слово? И, если позволишь, я продолжу. Во-вторых, так как я, как ты абсолютно верно заметила, не совсем человек, я не свободен. Пределы моих сил ограничиваются библиотекой. В ней я – маг. За её пределами – просто старик.

Я открыла рот, пытаясь что-то спросить, но Теофилус взмахнул рукой, словно говоря "об это потом", и продолжил:

–Я много лет хочу найти Сказочника, но я скован этими стенами. Магия вашего мира мне неведома. Значит, ни одним из известных мне заклятий я не могу его обнаружить. Чего я только не пытался сделать! Все известные мне заклинания я пустил в ход, но здесь они не работают! А посоветоваться не с кем, у всех – свои истории, свои дела!

–У кого, у всех?

–Да мало ли существует волшебников! Какие-то были созданы самим Сказочником, какие-то его учениками! Я тут недавно читал про одного. Он, правда, умер под конец. Так что мне ничего не остаётся, как только попробовать поискать его здесь, в этом мире. Но до твоего появления я и этого не мог сделать – библиотеку не бросишь. Ей нужен тот, кто сохранит её, проследит за тем, чтобы во всех историях всё шло своим чередом. И она нашла тебя!

–Меня?

–Верно. Когда Сказочник уходил, он просил, чтобы я не бросал Библиотеку, и сказал, что в случае нужды она позаботится обо мне и о себе. Магия этих стен очень велика, но отсутствие Сказочника стало сказываться – ты видела, в каком состоянии здесь всё было. К тому же, меня обеспокоили вести, принесённые тобой. Если люди забудут истории Сказочника, многое в мире изменится! Но теперь я свободен, и могу попытаться его найти! Множество лет я был вынужден проводить всё время здесь. Я спал, изучал книги, но не мог выйти отсюда. А теперь появилась ты. И ты сможешь сохранить Библиотеку. Она сама поможет тебе, как помогла сегодня. Да и кое-что ты узнаешь от меня – у нас будет немного времени. И заодно сможешь помочь мне. Я тут изучал твой мир по книгам, по газетам, но, по правде говоря, мало что понял. Иногда я проводил во сне слишком много времени, и здесь всё менялось. Но мне нужно найти Сказочника. Я хочу, чтобы он дописал мою историю! Да и этому миру не помешает встряхнуться! И есть ещё ученик, один из первых, кстати! И я не знаю, что он задумал! Его творений тоже не появлялось очень долго, но я не думаю, что он умер. Скорее, затаился, и ищет Библиотеку.

Он стал серьёзным, и даже тень улыбки сошла с его лица. До этого момента мне казалось, что я попала в сказку, но здесь почувствовала озноб. Я уже хотела спросить, что он имеет в виду, но не успела и рта раскрыть.

–Нет-нет, на сегодня хватит историй. Допивай чай и иди. Уже поздно. Я расскажу тебе всё, но завтра, или попозже. Пока что у нас есть время, я думаю. Есть.

Он замолк, а я потихоньку допивала чай, думая обо всём, что услышала, и отчётливо понимая, как мне не хочется выходить под тусклое тёмное осеннее небо и идти назад.

В чудеса я перестала верить давно. Где-то между первым и вторым интернатом. В первом я была ещё маленькая, и чудеса периодически происходили: время от времени, например, у кого-нибудь из нас появлялась новая семья. Ребят забирала вначале нечасто, потом всё больше. Намного позже я узнала, что это связано с какой-то государственной программой, по которой людям выдавали деньги на содержание ребёнка-сироты.

Каждый раз я надеялась, что меня тоже заметят, но этого не происходило – в то время я была очень несуразная: худая, длинная, хромающая, с короткими жёсткими русыми волосами. Среди остальных детей я выделялась только молчаливостью и застенчивостью, на контакт с людьми шла плохо. В то же время во время прогулок я пыталась облазить всё, что только можно, за что регулярно стояла в углу. Это меня ничему не учило, и на следующей прогулке

я снова бежала в самые отдалённые уголки территории, уводя за собой ещё и детей. Теперь понятно, почему с моим характером и неказистой внешностью пристроить меня в семью так и не удалось. Чуда не произошло.

Подрастая, я начинала многое понимать, но своими выводами не делилась ни с кем – я по-прежнему больше молчала, чем говорила. В семье брали детей беспроблемных, красивых, весёлых, а я не подходила сюда ни по каким параметрам. С раннего детства я старалась быть как можно тише на людях, памятуя о том, какие проблемы возникали дома, когда я шумела, бегала, громко топая ногами, или смеялась. Обычно это заканчивалось криками и ремнём, потому что таким поведением я провоцировала у родителей головную боль (если с вечера у них были гости) или мешала им отдыхать. Отдых всегда был одинаковым – несколько бутылок водки и компания друзей.

Меня отвезли в другой интернат, когда я подросла, единственную из своей группы – остальных ребят давно забрали. Не знаю, что там говорили в новой школе обо мне, но относились ко мне настороженно, хотя и не обижали.

Через пару лет в этот же интернат привезли и нескольких подросших ребят, которых раньше забирали в семью. В тот момент я окончательно поняла, что чудес не бывает.

То, что произошло в библиотеке, настолько не укладывалось в мою картину мира, что, даже придя назад, я не могла поверить в случившееся. Я, Катя Воронцова, пятнадцати лет от роду, лишавшаяся в восемь лет родителей, побывавшая в четырёх интернатах, прошедшая такие дурные компании, в которых сигарета и банка пива были самой безобидной привычкой – Хранительница? Как такое может быть? А если это ошибка? Если неправда? Если я приду завтра в Библиотеку, а там ничего нет? Может мне это приснилось? Кто мне сможет всё объяснить?

Я спросила у Теофируса, почему именно я нашла сюда дорогу, но он только пожал плечами. Потом, правда, сказал:

–Я не знаю, Катя. В Библиотеке нет упоминаний о таком. Но это ничего не значит. Никто не знает, почему время или история выбирают того или иного героя. Казалось бы, вокруг есть множество людей сильнее, умнее, смелее, но... Знаю одно – это не случайно. Значит, в тебе есть что-то, что сможет помочь всем нам!

–Во мне? Теофирус, вы же теперь всё знаете! Точнее, не всё! Я не тот, кто вам нужен! Я... Вы просто не понимаете...

–Я, конечно, не обычный человек, Катя, но недаром же провёл здесь столько времени! Возьми с полки любую книгу, любую историю – сомнения всегда обуревают любого героя!

Как же я ненавидела это слово!

–Это не сомнения! И я не герой. Не надо меня так называть... Вы не думаете, что Библиотека могла меня с кем-то ... перепутать.

Тут же в голове возникла картинка: Теофирус стоит возле открытых дверей и извиняется, говорит, что произошла ошибка, и мне надо вернуться назад и забыть обо всём.

Волшебник словно услышал мои мысли и улыбнулся.

–Никаких ошибок. Если бы ты была обычной девочкой, эта дверь никогда не открылась бы для тебя. Ты смогла увидеть её и попасть в место, о котором неизвестно никому в твоём мире. Это его величайшая тайна. И ты убедишься. Со временем. Поймёшь, что она недаром выбрала тебя. А пока просто успокойся. Не думай ни о чём. В конце концов, тебе ещё многому предстоит научиться! И многое понять!

Я перестала спорить только потому, что пора было возвращаться. Но и по дороге, и после возвращения его слова по-прежнему звучали у меня в голове. Они не сказать, что убедили меня в чём-то, но до поры я решила не думать о всяких тайнах.

В тот вечер я почти не обратила внимания на своих обидчиков – они стояли и шушукались в стороне, пока я ужинала. Наверно, прикидывали, рассказала ли я кому-нибудь и как всё

выставить так, чтобы они были не виноваты. Даже взгляд Артёма в упор, взгляд, в котором была настороженность, злоба и что-то ещё, меня не впечатлил. Я спокойно пошла в спальню и легла спать. Наутро мне предстояло пойти совсем другим путём, и тогда я не представляла, куда этот путь может меня привести.

Глава 4

Бум!!! Футбольный мячик прилетел мне прямо в голову. Было не больно: тот, кто это сделал, хотел не ударить, а обидеть. Что ж, ему это не удалось. Я подняла голову, пнула мяч подальше и пошла к другой скамейке. Надеюсь, досюда мяч не долетит! Хотя, какая разница! Книга в руках интересовала меня гораздо больше футбола, затеянного ребятами на стадионе. Было свободное время, и многие вышли на улицу – погода для самого конца ноября стояла просто замечательная: неожиданно потеплело, и все наслаждались солнцем перед долгой зимой. Стадион у нас в школе был большой, не настоящее футбольное поле, конечно, но всё-таки приличный. Казалось бы, играйте, кто вам не даёт, но Артём и здесь умудрился меня достать.

Я вышла на улицу с книгой, полученной от Теофилуса, и нашла лавочку поближе – так хотелось быстрее её открыть! Сегодня мне было поручено хотя бы бегло изучить "Бестиарий" – книгу существ, когда-либо встречавшихся в созданных Сказочником и его учениками историях. Толку от такого изучения не было никакого – я запомнила всего пару десятков названий, и то самых распространённых, но Теофилус уверил меня, что это может пригодиться. Конечно, чтение было увлекательным, хотя в Библиотеке мне нравилось читать больше – там рисунки существ оживали, и я могла их рассматривать вдоволь. Естественно, у василиска даже на картинке были завязаны глаза, и он бил могучим хвостом и беспомощно утыкался в край листа, не в силах сбросить повязку. Такой же участи подверглась и Медуза, ошупью бродящая из стороны в сторону. Русалки и сирены пели песни, а вот горгульи, напротив, отворачивались и большую часть времени напоминали уродливых гигантских летучих мышей. Я подолгу рассматривала единорогов – настолько прекрасных, грациозных, дивных существ я ещё не видела. Даже на страницах книги от них исходило жемчужное еле уловимое сияние, и я, словно замороженная, подолгу любовалась ими. А вот Банши, ужасная женщина-привидение, как-то по-настоящему напугала меня, появившись из-за дерева – её вопли, напоминающие рыдания, долго звучали в ушах. Многие существа были мне неизвестны, под некоторыми стояли бесконечные сноски, объясняющие, где и в каких историях они встречаются. Особо подчёркивалось, что в разных историях существа могли быть похожи лишь внешне, поэтому важно было не ошибиться.

Эта книга была не первой, которую я изучила за прошедшие с момента моего открытия две недели. Теофилус хотел, чтобы к моменту его ухода, я была готова ко всему. В Библиотеке он учил меня, и это были самые увлекательные уроки в моей жизни! Когда я уходила, он давал книги со строгим указанием прочитать всё, что написано. Это могли быть увлекательные описания чудесных миров, истории героев, книги о растениях или, как сейчас, о мифологических или волшебных существах. К счастью, книги из Библиотеки в реальном мире выглядели самыми обычными, и никаких вопросов не вызывали. Это я проверила абсолютно случайно – просто как-то раз забыла убрать одну из них с парты во время уроков. Учителя, даже проходя мимо и глядя на меня и мою парту в упор, так ничего и не заметили. С того момента я успокоилась, и стала читать их открыто.

Где-то на третий день (точнее, вечер) я выяснила, что библиотека в вопросах поиска чего-нибудь действовала лучше Google: я просила книгу, и она тут же оказывалась у меня в руках, прилетая с любого конца огромного зала. Некоторое время я просто развлекалась и просила показать книги, известные мне давным-давно: очень хотелось увидеть, на что они здесь похожи. Библиотека разворачивала их передо мной раз за разом, демонстрируя живые картинки (рыцарь на одной из них поднял в знак приветствия огромный меч, украшенный драгоценными камнями) и буквы, которые сами собой переводились на понятный мне язык. Правда, потом ей надоело меня развлекать, и толстый том угодил мне прямо в лоб.

Сама Библиотека преподносила сюрпризы раз за разом. Она постоянно меняла обличье. В один день это был прекрасный строгий зал с белыми стенами и рядами уходящих вглубь резных шкафов. На стенах висели изящные светильники, повсюду стояли высокие кресла, небольшие столики, вазы с цветами, а с потолка свешивались клетки с маленькими птичками. В другой день обстановка напоминала средневековый зал – серые стены с гобеленами, массивные тёмные шкафы, факелы на стенах и огромные сундуки. Мне же больше всего нравилась она в своём первом облике – увитые зеленью стены, плывущие по воздуху свечи, столы и шкафы тёмного дерева, пузатые кресла и диваны с брошенными поверх тёплыми пледами, аромат трав и мёда.

Также очень скоро я поняла, что обойти Библиотеку целиком не удастся. Некоторые двери оказались закрыты наглухо и настолько пробуждали моё любопытство, что я проверяла их по несколько раз на дню и всерьёз подумывала об отмычке. Винтовая лестница оборачивалась горкой, стоило мне начать на неё подниматься. Дверная ручка появлялась и исчезала в самый неожиданный момент вне зависимости от того, хотела я уйти или нет.

Конечно, уйти мне не хотелось. Была б моя воля, я бы осталась здесь навсегда, но всё как-то не осмеливалась предложить это Теофилусу. В школе меня не держало ничего, но я не знала, как отреагирует старый волшебник, если я скажу ему, что брошу интернат и перееду сюда, поэтому решила повременить.

Всё самое интересное Теофилус приберёт напоследок. Вначале я просто изучала книги, пытаюсь запомнить совершенно новые для меня вещи. Старик водил меня по всему залу, рассказывая, где и что стоит, и как не заблудиться в огромном множестве внешне похожих шкафов. Учитывая то, что Библиотека выдавала мне любую книгу тут же, по первому требованию, я не понимала, зачем это надо, но Теофилус был непреклонен.

Закончив с экскурсией, он рассказывал мне о том, за чем придётся наблюдать. И вот тут сидеть мне почти не приходилось, чему я обрадовалась, потому что двери комнат, в которые я безрезультатно пыталась попасть, распаивались сами собой, и я наконец-то могла утолить любопытство.

Первым делом он привёл меня в комнату с часами, в которой я едва не заблудилась. Там были часы самых разных форм и размеров: самые маленькие были не больше спичечного коробка, рядом с ними лежали красивые карманные часы на длинной цепочке, неподалёку – резные часы с кукушкой, прокуковавшей мне прямо в ухо, целый лес напольных часов, и в завершение – огромные песочные часы с драгоценными камнями. Всё вокруг тикало, хрипело, шипело, шуршало, било, звенело и оглушало. Теофилус даже не пытался перекричать это царство времени и заговорил, только захлопнув дверь.

–Это время, как ты уже поняла. В каждой истории оно течёт по-разному. Твоя задача – постоянно проверять часы, смотреть, чтобы они шли, смазывать их. Со временем шутки плохи! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы оно остановилось!

–Почему?

–Катя, если время остановится, история остановится тоже. Представь, что будет, если Золушка так и не попадёт на бал? Если Фродо опоздает в Мордор? Если корабли так и не доплывут до Трой? Миг – и всё изменится! Тот, кто должен был спасти, помочь, успеть не достигнет цели! Вся история пойдёт по-другому, и ... ваш мир может ожидать катастрофа!

–Наш?

–Конечно! Малейшая задержка в истории – и она никогда не достигнет того, кому была предназначена! Представь себе, жил когда-то маленький мальчик. Жил себе и жил, но потом в его жизни появилась вот эта книга.

Теофилус протянул руку, и книга в тёмной обложке, слегка потрёпанная, порхнула к нему с ближайшей полки.

– Он прочитал её, и в его жизни всё изменилось – он увидел её другими глазами, и сам смог выйти за грани доступного на тот момент человеческому разуму. А появишься она раньше или позже, кто знает, как сложилась бы его жизнь, да и жизнь всего человечества! У каждого есть своя история, которая может всё изменить!

У следующей двери Теофилус в нерешительности остановился. Потом протянул руку и тут же отдернул, а я еле успела отскочить. Из середины двери высунулась морда, напоминающая одновременно и человека, и осьминога! Даже в "Книге существ" я не встречала такого отвратительного зрелища!! Чудовище источало смрад, а маленькие глазки, затянутые белой плёнкой, воззрились на меня с неприкрытой ненавистью. Теофилус сказал:

– Сюда заходить нет необходимости, но ты всё же должна знать. Здесь находятся самые страшные и кошмарные существа, населяющие истории. Они очень опасны! Очень! Ты можешь спросить, зачем же они нужны?

Я не хотела ничего спрашивать, меня больше тревожила мысль о том, что я буду находиться неподалёку от ТАКОГО, но я послушно кивнула. Теофилус сказал:

– Они нужны, необходимы героям! Как можно стать героем, если не в схватке с самым ужасным злом? Для каждого оно своё, но оно необходимо. Если не будет чудовищ, не будет и героев! Надо же им кого-то побеждать! Но всё же они заперты отдельно! Уж больно отвратительная компания!

К ещё одной двери Теофилус подошёл без опаски. За ней была комната, сплошь заваленная свитками.

– Нерассказанные истории, – пояснил волшебник. – Множество идей, ждущих своего часа. К некоторым из них мир пока не готов. Другие Сказочник просто не успел завершить. Где-то там, возможно, есть и моя... Да только мне неизвестно, – в его голосе послышалась тоска. – Откровенно говоря, я тут немного похозяйничал. Подбросил пару-тройку идей людям!

– И как?

– Не все поняли. Один так всё поменял! Вышло забавно, конечно, но... А вот одна история... Прямо скажем, удалась, Сказочнику бы понравилась!

– А...

– Но это не совсем правильно всё же, – перебил меня волшебник, так и не дав спросить, что он имеет в виду!

В ещё одной комнате нас ждали зеркала. Я застыла на пороге, любясь множеством отражений, чувствуя себя словно в сердце лабиринта! Зеркала, как и часы, были очень разные. Небольшие карманные круглые зеркальца, немного побольше с ручками, украшенными резьбой или камнями, большое круглое зеркало, напоминавшее солнце, огромные, в полный рост, завешенные кусками материи. Я остановилась одного из них – тёмная ткань сползла, открывая серебристый прямоугольник – пытаюсь понять, что же в нём волшебного. Какое-то время ничего не происходило, потом зеркало изнутри заволочло белесым туманом, и... оно показало меня. Но в каком виде! Даже не сразу стало понятно, что незнакомка в зеркале, наряженная в прекрасное голубое платье с широкой юбкой, всё переливающееся и мерцающее, – это я. Хлопок... – и снова я, но в белом платье в мелкую синюю клеточку, с заплетёнными в мои разноцветные косы светлыми лентами, похожая на примерную школьницу. Хлоп – и на мне тёмно-красный бархатный плащ с капюшоном, в складках которого я сразу потерялась! Что это? Как такое возможно? Я посмотрела на себя настоящую, одетую в джинсы и клетчатую рубашку, невзрачную и ничем не примечательную, и решила, что это зеркало точно способно творить чудеса!

Теофилус терпеливо ждал в сторонке, но в его голосе мне послышались недовольные нотки.

– Волшебные! Когда будешь протирать, не всматривайся. Они мастера иллюзий, а некоторые ещё и болтливы! От того держись подальше – его осколки итак бед наделали! – он указал

рукой в сторону зеркала, стоящего отдельно, скрытого за тёмной тканью и перехваченного ещё и верёвкой.

Судя по тону, у него с зеркалами не сложилось!

Ещё одна дверь была совершенно простой с виду, но к ручке её волшебник прикоснулся как-то необычайно почтительно, как мне показалось.

– Великие истории ... Так я их называю ... И не улыбайся. Здесь хранятся книги, изменившие твой мир. Уж не знаю, так было задумано Сказочником или случайно вышло, но ... После них в мире что-то поменялось. Береги их особо. Каждая из этих историй – величайшая ценность. Потеря их обернётся катастрофой. Конечно, Библиотека сама справляется, но всё же поглядывай, чтобы не было сырости. И шторы не открывай. На всякий случай.

Однажды вечером он привёл меня в комнату, увешенную картами. Вдобавок здесь стояли глобусы. Да что там стояли! Некоторые парили в воздухе, словно воздушные шары разного цвета и размера. Карты были самые разные: некоторые очень старые, почти выцветшие, другие – поновее, блестели яркими красками. Здесь Теофилус не сразу начал свой рассказ. Вначале взял появившиеся из воздуха перо и чернильницу и подрисовал несколько линий на одной из карт, поймал небольшой глобус и поместил на полку, смахнул пыль с другого и только потом объяснил:

– Это карты миров, как ты уже поняла. Их огромное множество, но некоторые настолько стары, что время от времени приходится подправлять. К тому же они выцветают, а чернила готовятся долго. Не раскрывай ставни и проверяй время от времени, особенно вон те. Нельзя допустить, чтобы они совсем пропали.

А вот ещё в одной комнате я чуть не завизжала от радости. Она была наполнена (я поняла это без всяких подсказок) предметами из историй. Я успела разглядеть и светящиеся в полумраке хрустальные туфельки, и огромный старый покосившийся на один бок шкаф, и метлу, висящую на стене, и огромную шляпу, словно снятую с фокусника, и знакомую всем детям волшебную палочку, прежде чем Теофилусу удалось привлечь моё внимание.

– Как ты уже поняла, Катя, это Хранилище предметов, без которых некоторых историй попросту не существовало бы! Наиболее ценные хранятся здесь.

Он подвёл меня к столу, похожему на витрину в магазине. Моё внимание сразу привлекло кольцо, лежащее в окружении других, по ободку которого шла вязь букв на неизвестном мне языке. Я даже задохнулась от восхищения! Теофилус улыбнулся и сказал:

– Ты всё правильно поняла. Это именно ОНО. Не вздумай примерить – от него одни беды! И вообще, лучше ничего не трогай! Следи, чтобы всё было на местах!

Я едва сдержалась, чтобы не ответить ехидно: "Конечно, моя прелес-сть!"

Ещё одна комната оказалась ... оранжереей. Сквозь стеклянный потолок на растения лился поток неведомо откуда взывшихся солнечных лучей (когда я пришла, на улице шёл дождь со снегом). Вокруг всё благоухало, и я стояла, наслаждаясь теплом и небывалым запахом растений, многие из которых были мне незнакомы. Мы провели здесь уйму времени, даже успели попить чаю, и рассматривали каждый горшок и ящик. Около некоторых Теофилус останавливался и рассказывал подробно, кое-где просто бурчал непонятное мне слово, наверно, название, которое мне ни о чём не говорило, и шёл дальше.

– Вон там, видишь... роза. У неё не самый простой характер, но она очень дорога герою, так что присматривай. Издалека.

– Мандрагора... Прыгающий корень по-другому. Не вздумай к ней приближаться или пытаться прополоть, очень опасно...

– А это сон-трава. И маки. Свойства одинаковые, поэтому рядом растут...

Я рассматривала цветущий вокруг меня мир с огромным вниманием, поэтому половина из сказанного Теофилусом пролетела мимо ушей. Какие уж там наставления! Мои глаза разбегались, то и дело натываясь на растения, которые были мне знакомы: светящийся всеми

оттенками пурпурного Аленький цветочек, цветущий, вопреки всем убеждениям биологов папоротник, и неожиданно – заросли крапивы с толстыми мясистыми стеблями. В глубине оранжереи меня поджидал самый большой сюрприз – там росло дерево, насколько я поняла, дуб, настолько огромный, что его ветви сплетались и терялись где-то вверху. Я уже привыкла к этим пространственным загадкам Библиотеки, поэтому не слишком удивилась размерам дуба, а осторожно провела пальцами по шершавой грубой нагретой солнцем коре и почувствовала, как дерево вздрогнуло!

– Не надо, не буди... – Теофилус отвёл мою руку. – Он очень стар. Самый древний и могучий во всём мире. И знает множество тайн. Но, как многие старики, обожает загадки! Поэтому пусть спит! Так спокойнее, знаешь ли...

Я с трудом оторвалась от дерева, и мы вышли из оранжереи.

Последней комнатой, которую мне показал Теофилус, показал, как мне почудилось, слегка смущаясь, был подвал. И он не имел никакого отношения к историям. Здесь старый волшебник создал своё убежище. В комнате стояли старые книжные шкафы, непохожие на те, что находились в зале, несколько столов, уставленных колбами, склянками, плошками, висели полки, заполненные пергаментными свитками, а с потолка свешивались связки перьев и трав, распространяя вокруг терпкий аромат. Посреди одной из стен гудел камин, а напротив, на небольшом возвышении, стоял котёл с бурлящей жидкостью. Над котлом зависла большая деревянная то ли ложка, то ли лопатка, которая время от времени погружалась в зелье, кипящее в котле, и помешивала его. Это была настоящая волшебная лаборатория!

– Ого, Теофилус! Круто! И что вы здесь делаете? – я уселась на краешек стола и посмотрела на старика.

Он подошел к котлу, посмотрел на часы, висевшие на поясе, нахмурился и взмахнул рукой – зелье тут же перестало бурлить и подёрнулось сероватым налётом.

– Да так, всё помаленьку. Надо же мне что-то делать, Катя! Я же волшебник! Сейчас пытаюсь найти один рецепт, делаю кое-какие записи, но пока, судя по всему, снова неудача!

Теофилус даже погрустнел. Я всегда знала, что утешения, всякие там слова поддержки – это не моё, но тут помимо воли сказала:

– Да бросьте, Теофилус! Хотите, я вам помогу? Найду что-нибудь в книгах?

– Спасибо, Катя! Вот только того, что я хочу найти, в книгах уже нет! Утеряно или украдено много лет назад. Не переживай, это всё так, стариковские забавы...

Я не поверила ему, но промолчала. Что-то его мучило, не давало покоя, но я никак не могла понять, что именно. До одного вечера.

Мы снова засиделись допоздна – я с книгой, Теофилус – со своими колбами, которые притащил наверх и устроил на письменном столе. Внезапно раздался мощный хлопок, в Библиотеке запахло то ли прокисшей капустой, то ли грязными носками, или и тем, и другим одновременно. Я вскрикнула, чуть не упав с кресла, и тут же захохотала, когда из клубов серого дыма вывалился волшебник, весь перепачканный, забрызганный какой-то жидкостью, с вздыбленными волосами. Он рухнул в кресло рядом, Малыш кинулся было к нему, радостно лая, и тут же отпрянул – аромат от старика исходил так себе!

Еле успокоившись, я сказала:

– И-извините, Теофилус! Вы как, нормально?

– Да! Спасибо за беспокойство!

– Вы снова пробовали тот рецепт?

– Да нет. Это зелье, что я пытался приготовить, я нашёл в одном алхимическом трактате, но, как видишь, мне оно не удалось.

Спорить с этим было сложно, однако я попыталась придать своему голосу как можно больше сочувствия.

– Ничего страшного. В следующий раз получится!

–В следующий? Не думаю! Мне не очень хорошо удаются некоторые рецепты... Этот не первый, к сожалению! Я иногда думаю...

Он замолк и опустил голову, потом сложил руки в замок, уткнулся им в подбородок и сказал:

–Я иногда думаю, а случайно ли Сказочник не успел написать мне историю? А если я – просто неудавшийся герой? Ведь из-под его пера вышли такие мастера магии! Один Мерлин чего стоил! Да и не только он! А мне вот простейшее не под силу.

Со мной никто и никогда не делился страхами и сомнениями – таких друзей попросту не было. Да и мне ли давать советы? Здесь я тоже не знала, что ответить. Но мой волшебник совсем опустил руки, и я сказала:

–Бросьте, Теофилус! Просто они ... старше вас! Я уверена, Сказочник вернётся и напишет про вас самую лучшую историю! Он просто не успел! Вы же сами говорили! Не думайте о другом! Он же был мастером! Разве мог он создать неудачного героя? Помните, вы говорили – у каждого своя история! Так что надо просто дождаться!

Теофилус посмотрел на меня, но, к моему облегчению, вскоре улыбнулся и принялся уничтожать следы своего напрасного труда. Слава богу, не моё это – работать личным психологом!

С того вечера я старалась всё же помогать ему в его исследованиях: иногда он поручал мне найти в оранжерее какую-нибудь травку, иногда – смешать порошки, пару раз мне пришлось искать по всей Библиотеке очень странные вещи, вроде толчёных панцирей или кусочка янтаря, закатившегося под самый дальний шкаф. Я не возражала, тем более, что Теофилусу это явно доставляло удовольствие!

Таким образом, моя жизнь в Библиотеке становилась всё интереснее, но в мире за её стенами меня поджидали новые неприятности.

Реальный мир с Варварой, Корольковой, Артёмом и остальными временами становился непереносим, хотя мысль о моём новом пристанище согревала и придавала сил. К тому же я заметила странную особенность – никто вроде как не замечал моего отсутствия в те моменты, когда я была в Библиотеке. Словно на этот период времени я просто переставала существовать. Эта мысль была жутковатой, но зато больше не надо было придумывать несуществующих докладов.

В то же время, когда я была в интернете, неприятности продолжали сыпаться на меня со всех сторон. Ненавистная мне компания немного притихла поначалу после нашей стычки, но, убедившись, что жаловаться я не пошла, удвоила свои усилия. Издёвки, поддёвки, провокации – всё это я терпеть научилась, но теперь они взялись за существо, которое было мне дорого не меньше, чем Библиотека.

Они взялись за Мальша.

Кампанию против бездомных животных начала и возглавила, естественно, Варвара. На общешкольном собрании она лицемерно улыбалась и объясняла, что все мы подвергаем себя риску, что собака может заболеть бешенством, и пострадают дети, чего нельзя допустить. При этом она смотрела на меня, а я, чувствуя, как холодеет всё внутри, изо всех сил старалась сохранить на лице маску безразличия, при этом лихорадочно соображая, когда я видела Мальша в последний раз. До собрания он точно был на территории, я покормила его и отправилась сюда! Дура! Надо было давно отвести его в Библиотеку и там оставить! Как я могла не догадаться! Варвара, между тем, сказала, что администрация предпримет все усилия, чтобы обеспечить безопасность воспитанников, а я молила Бога, чтобы она поскорее закончила, и я смогла увести собаку подальше от этой мелкой паршивой жестокой твари. Да Мальш никому не причинил вреда, в отличие от неё! Давно надо было спросить у Теофилуса рецепт какого-нибудь яда, от которого, например, у неё вырастут огромные бородавки на языке!

К счастью, в этот день после собрания мне удалось его найти и увести вместе с собой. Я стала делать так постоянно, но глупый пёс каждый раз уходил из Библиотеки вместе со мной, не понимая, что ему грозит опасность! Он бесстрашно бегал по территории, не чувствуя направленного на него злого взгляда и безропотно сносил пинки, которыми его иногда стали "угощать" некоторые подхалимы Варвары, пытаясь выдворить с территории. Я дала себе зарок внимательно присматривать за собакой, но каждый день тревога усиливалась.

Между тем, Теофилус всерьёз готовился к вылазке в наш мир.

Как выяснилось, не знал он его совершенно, да и зацепок практически не было. Все его рассказы о любви к путешествиям оказались неправдой, из Библиотеки он никогда не выходил дальше, чем на несколько метров, и жизнь знал только по книгам. Но так как вместо драконов, василисков и прочих чудовищ сражаться ему предстояло с водителем такси, полицией на вокзале и портье в гостиницах, моя помощь ему-таки понадобилась!

Для начала мы решились на небольшие вылазки в кинотеатр и пиццерию. Мне, собственно говоря, тут же стало понятно, что отпускать старика дальше просто нельзя, но как я могла его остановить? В кино (мы смотрели какой-то мультфильм) он пришёл в неопикуемый восторг, подпрыгивал в кресле, сопереживал героям и так громко хлопал носом в конце, что все смотрели не на экран, а на нас! Я клятвенно пообещала, что мы снова придём в кино, как только будет время. У меня мелькнула мысль о том, как бы ему раздобыть телевизор в Библиотеку, но я тут же от неё отказалась – никакого электричества там в помине не было! Пицца тоже повергла его в шок. Он съел одну почти целиком: я успела ухватить только пару кусочков. Ещё две он попросил купить для него с собой, что я и сделала, так как опыта обращения с деньгами у него не было никакого!

Деньги, кстати, оказались самой маленькой из проблем, которые пришлось решить. Мне стоило только раз заикнуться о том, что для поездки необходимы деньги – и на следующий день я обнаружила на его столе несколько тугих пачек. Теофилус тут был не причём – волшебство Библиотеки помогало получить почти всё необходимое. Правда, этот механизм материализации был весьма странным. Так, вместо привычных рублей она пыталась подсунуть нам какие-то деньги размером с альбомный лист или мешочек с золотом. Когда я представила, как Теофилус трясёт им перед носом таможенника, то не смогла удержаться от смеха!

Несколько раз мы ходили по магазинам: купили чемодан, одежду и всё, что надо для путешествия. На этом настоял он сам – наверно, хотел потренироваться. Самое большое недоумение вызвал мобильный телефон: он выбрал старую модель с огромными кнопками, и я каждый день показывала, как им пользоваться. Правда, Теофилусу эта наука давалась с огромным трудом.

Когда я спросила про документы, без которых невозможно купить ни один билет, он хлопнул себя по лбу и попросил показать, как они выглядят, чем напомнил мне старика Хоттабыча. Побоявшись, что результат у него будет таким же, я нашла в интернете образцы, однако они не понадобились: из ящика его письменного стола раздался шорох, а потом оттуда вылетели паспорта, обычный и заграничный, и ещё какие-то бумаги. Проблема билетов таким образом была бы решена, если бы Теофилус хоть представлял, куда хочет отправиться! Но нет! С какой стороны начать поиски он не понимал, поэтому откуда-то притащил ГЛОБУС.

Я не шучу. Это не походило ни на одну модель нашей планеты, хотя бы потому, что ни одной известной страны на нём не было! Это был огромный, постоянно изменяющийся шар неведомых, точнее придуманных и описанных в книгах миров. Средиземье здесь плавно переходило в Нарнию, затем в какие-то незнакомые мне земли, потом в Авалон и так далее. Над одной частью палило жаркое солнце, над другой – сыпал снег, а кое-где собирались гроззовые тучи. Я протянула руку, чтобы посмотреть с другой стороны, и заряд молнии пришёлся прямо в палец. Больше я лезть не стала, но сказала Теофилусу, что ТУДА самолёты не летают и поезда не ездят! Он и без меня понял ошибку, поэтому мне пришлось сбежать в магазин и купить

какой-то атлас. Естественно, когда я вернулась, в воздухе уже висела огромная карта, знакомая мне по урокам географии, и на неё красными огоньками были помечены какие-то места.

Теофилус виновато улыбнулся и сказал:

– Извини, Катя! Совсем забыл о ней!

В тот вечер мы долго отмечали на карте возможные места. Теофилус совсем ничего не знал о том, куда мог отправиться Сказочник. К тому же, как он объяснил, он не знал, как подействовал на него этот мир. В своей Библиотеке Сказочник не замечал хода времени, и оно было над ним не властно, но выйдя в мир, он мог начать стареть, как самые обычные люди. Это приводило к мысли о том, что за прошедшие годы он, возможно, умер. Такую догадку высказала я, но Теофилус возразил, сказав, что, в таком случае, Библиотека могла разрушиться. Конечно, вряд ли, но это давало хоть какую-то надежду. Что касается зацепок – их не было. Ничего похожего на созданное самим Сказочником в этом мире не появлялось, а значит искать его можно было бесконечно. Теофилус решил действовать практически наугад, и припоминал все привычки и повадки своего Создателя, надеясь, что это поможет. К тому же, он был уверен, что способен почувствовать его, так как сам был им создан. Все эти размышления казались мне притянутыми за уши, но почему бы не попробовать? В конце концов, если не получится – просто вернётся назад и снова засядет за свой стол!

Гораздо больше меня тревожила доверчивость Теофилуса. Конечно, большую часть своей жизни он провёл в мире волшебных историй, где добро раз за разом побеждает зло, но его непонимание того, что в нашем мире так случается не всегда, пугало. Из торгового центра, где мы покупали ему чемодан, он притащил с собой газету с объявлениями о потомственных магах, гадалках и ясновидящих, которые могли, якобы, найти, что угодно и на том, и на этом свете. Когда я рассказала ему о мошенниках, он долго возмущался и приводил в пример некоторые миры, в которых шарлатанов и лжемагов казнили, отрубали руки или кидали в выгребные ямы. Наверно, как профессионального волшебника, его задело такое поведение "собратьев".

В другой раз он отдал большую пачку денег парню с бегающими глазами, сидящему возле таблички с надписью "Инвалид с детства. Подайте, кто сколько может". При этом от парня пахло перегаром, а его красное полное лицо ничуть не выглядело измученным страшной болезнью. Когда я снова рассказала о мошенниках, он только скорбно посмотрел на меня и ничего не ответил. Мне кажется, в этот момент он усомнился или в своём решении покинуть Библиотеку, или в том, что наш мир стоит его внимания.

В последний вечер перед отлётом Теофилус наконец-то успокоился, сложил чемодан и решил дать мне последние наставления.

Мы снова пришли с Малышом – полностью заснеженные и замёрзшие (пару дней назад заметно похолодало и выпал снег), поэтому горячий чай и печенья были очень кстати. Теофилус вышагивал по центру, бормоча что-то в бороду, но, заметив меня, тут же остановился.

–А, Катя, наконец-то. Проходи, у нас мало времени. Мой... самолёт (всё-таки он очень напоминал старика Хоттабыча!) полетит вечером, а туда, как ты знаешь, ещё надо добратся! Нам ещё много необходимо успеть!

Ценой больших мучений с подготовкой предварительного маршрута мы закончили накануне: Теофилусу нужно было вызвать такси (это я брала на себя), доехать до железнодорожного вокзала, сесть в поезд, доехать до Москвы и там уже отправиться в аэропорт. Каждый кусочек этой дороги был мною описан для него в небольшом блокноте. Там были даже ответы на вопросы, которые он мог бы услышать в аэропорту, например. В любой неясной ситуации я попросила его звонить мне – мало ли что. Затем несколько раз проверила правильность маршрута по интернету, и всё равно была уверена, что к вечеру старый волшебник вернётся в Библиотеку и снова усядется в любимое кресло!

И тут я запаниковала. Завтра Теофилус уедет, и я снова останусь совсем одна. За прошедшие три месяца я привыкла к нему, мне нравились наши разговоры и посиделки, а теперь всему этому может наступить конец! Я представила, как прихожу завтра к библиотеке, а ничего нет! Возможно, вместе с Теофилусом она тоже исчезнет из моей жизни?

Малыш жалобно заскулил. Я машинально погладила его по голове, но мысли были не здесь. Они перескакивали с одного на другое, заранее прощаясь со всем, что стало мне дорого. Надо же, я привязалась ко всему этому гораздо сильнее, чем могла представить! Иначе откуда теперь эта паника?

Теофилус кашлянул. Потом снова. Я подняла глаза, и, наверно, он что-то увидел в них – недаром же родился волшебником!

– Катя, что случилось?

Я ответила не сразу, но всё-таки выдавила из себя:

– Теофилус, это всё правда? По-настоящему?

Наверно, он ожидал чего угодно, только не этого, поэтому просто развёл руками и сказал:

– Ты всё ещё сомневаешься? Катерина, ты – Хранительница! Иначе тебя бы здесь не было! За многие десятилетия ни один, НИ ОДИН, повторюсь, человек не находил этого места! Люди проходили мимо! Ты первая, кто вошёл в эти двери. Я не могу этого объяснить! Возможно, сам Сказочник, если мне удастся найти его, сможет, но не я. Всё, что я знаю, это то, что Библиотека признала тебя своей. Нам надо многое проговорить. Ты будешь слушать?

Я кивнула, и Теофилус продолжил:

– Тогда садись и запоминай!

Этот вечер прошёл очень быстро. Наверно, это и имел в виду Теофилус, когда говорил о том, что с временем шутки плохи. Иначе, почему оно так быстро идёт тогда, когда тебе больше всего хочется, чтобы оно остановилось? Если бы я знала, где находятся часы ЭТОЙ истории, я бы, наверно, попыталась перевести их назад, чтобы снова пережить последние три месяца, ставшие самыми лучшими в моей жизни! Но я покорно сидела в кресле, укутанная в мягкий, пахнущий травами плед, пила чай и слушала волшебника, перечислявшего всё, за чем мне предстоит следить. Теофилус даже примерно не знал, сколько продлится его поездка, но мы договорились созваниваться каждый день. У Теофилуса мой телефон был единственным в записной книжке, так что я могла не волноваться, что он с кем-то меня перепутает. В основном в этот вечер он повторял всё, что уже говорил до этого: и про часы, и про растения (некоторые надо было поливать несколько раз в день!), и про вещи из историй, которые я хотела примерить или потрогать до потери пульса, что, естественно, было запрещено. Он напомнил о том, чтобы я не забывала читать то, что необходимо (список тут же возник в воздухе) и о том, чтобы проверяла карты время от времени. Также он просил ни в коем случае не пытаться ничего писать и переписывать на его столе. Словом, новой информации я не получила, а от старой голова пошла кругом! Мне даже показалось, что он просто не хотел, чтобы я рано ушла. Наверно, перспектива отправиться в неизвестный мир пугала его не меньше, чем меня – перспектива остаться здесь одной.

Единственное, что мне открылось нового в этот вечер, было назначение той самой винтовой лестницы. Она вела на второй этаж, и, поднявшись туда, я застыла с открытым ртом. Потолок терялся где-то в вышине и тоже был стеклянным, как над оранжереей. В окна бились снежинки, в комнате горел камин, стояло огромное кресло-качалка и кровать, на которой были навалены горой пледы. Витражные окна отражали пламя свечей, висящих в воздухе, рядом с одним из них стоял небольшой письменный стол, на котором огромное белое перо само обмакнуло себя в чернильницу и продолжило писать, словно находясь в руке человека-невидимки. Здесь было так уютно, что я чуть было не обиделась на Теофилуса за то, что он не показывал мне эту комнату! Правда, он тут же сказал, что в его отсутствие я могу чувствовать себя её полной хозяйкой. Перо застыло на этих словах, приподнялось, но уже через несколько секунд

снова бодро что-то застрочило. Когда мы спустились вниз, Теофилус со смехом пояснил, что это перо невозможно унять! Ему всё равно, что писать, но иногда оно слагает вполне неплохие вирши! Впрочем, понять их смысл бывает очень затруднительно.

Так и закончился наш последний вечер в месте, и впервые за всё время Теофилус проводил меня до самых дверей, и долго стоял в них, освещённый со всех сторон парящими в воздухе свечами, глядя мне вслед.

Глава 5

Следующее утро было пасмурным и снежным.

Приближался Новый год, и праздничное настроение понемногу передавалось всем в интернате. Вскоре должны были привезти ёлку, и многие ребята собирались помочь украсить её и участвовали в подготовке утренников.

В это время и атмосфера была особой, и настроение – приподнятым. Мои враги на время даже забыли о моём существовании. В их отношениях, судя по разговорам, которые до меня доносились, всё было отлично: Ритка цвела, Артём ходил спокойный и большую часть времени не сводил с неё глаз. Варвара ненадолго уехала в командировку, и без неё мне даже дышалось легче.

В группах тоже ставили небольшие ёлочки, и устроили конкурс на самую красивую группу. Ольга Викторовна и Фаина Петровна притащили целые коробки шаров, мишуры, дождика, и после обеда все мы с удовольствием украшали спальни и гостиную. Вскоре были повешены гирлянды, и группа засияла, преображённая и ничуть не похожая на себя.

Я наблюдала со стороны за всей этой предпраздничной суетой, и впервые в жизни не чувствовала себя лишней на празднике жизни. Конечно, с интернатом это ощущение связано не было, хотя я и помогала украсить группу, но в этой суматохе обо мне подзабыли, и следующие несколько дней я спокойно приходила и уходила, не вызывая ничьих подозрений.

В первый день я очень боялась, что с уходом Теофилуса всё изменится, и в Библиотеке мне будет некомфортно. Но, как оказалось, зря. Библиотека встретила меня светом и теплом, а на столике дымился чайник и стояла большая тарелка с печеньем и кусками пирога. Мы с Малышом очень хорошо провели время: проверили часы, побродили по оранжерее (Малыш, правда, зарычал на какое-то растение, и я решила попозже прочитать про него), позвонили Теофилусу, который смог ответить только с третьего раза – до этого он упорно нажимал по ошибке кнопку отбоя. Переделав всё необходимое, я забралась в кресло с ногами, и пёс последовал моему примеру, облюбовав кресло Теофилуса. Вот так, с книжкой и чаем, я провела свой первый одинокий вечер в Библиотеке.

Следующие несколько вечеров прошли также, с той лишь разницей, что иногда возникали какие-то мелкие проблемы. Я обнаруживала их быстро, словно по наитию, и скоро перестала удивляться тому, откуда я знаю, когда пришло время подвести часы, а когда – почистить волшебный плащ-невидимку. Это приходило само, и я поверила, что в Библиотеке смогу решить любую проблему.

К тому же здесь всегда было, чем заняться. Конечно, я помнила все наставления старого волшебника, но кто бы мог долго противиться искушению примерить или поближе посмотреть на предметы, о которых до этого только читал?

Несколько раз я заходила в комнату с зеркалами, любуясь на собственное отражение в платьях из сказок и других историй – ощущение было новым и необычным. Малыш так вообще залаял, не признав меня. В комнате волшебных предметов я облазила все уголки, рассматривая в деталях каждую необычную вещицу. Понятно, что я не смогла сопротивляться, и кое-что померила, потрогала и изучила поближе. И только едва не разбив одну из хрустальных туфелек, я успокоилась и отправилась дальше. В подвал я тоже спустилась, полистала книжки Теофилуса, понюхала свисающие с потолка травы, погрелась возле камина и неожиданно заскучала по старику.

Звонки от него поступали каждый день, а через неделю он даже научился отправлять смс-ки, но это не могло заменить наших вечерних разговоров. Где он бродил, я понятия не имела, но просила его быть осторожнее и не раздавать деньги направо и налево – если они закончатся, как он вернётся назад?

В те дни, при виде предновогодней суматохи и веселья от приближающегося праздника, я робко и неуверенно поверила в то, что со мной, действительно, случилось чудо, и была уверена, что теперь всё наладится! Ведь я же справляюсь со своей ролью! Библиотека под присмотром, и я, и Малыш в относительной безопасности, тем более что перед праздником, всем было не до нас.

Я ошиблась.

В тот день уроки сократили, потому что нас должны были приехать поздравлять сотрудники местного завода – такие благотворительные акции они предпринимали пару раз в год, привозили нам сладости, а мелким – ещё и игрушки. Так как желания есть конфеты у меня не было, я решила очень быстро сбежать в Библиотеку – у меня было предчувствие, что там нужна помощь. Быстро выбравшись за ворота и так и не найдя Малыша, я отправилась туда. Погода в преддверие Нового года установилась чудесная: снег красиво переливался на солнце, а берёзы, окружавшие школу, казались сказочно-прекрасными в сверкающих шубках из инея. Настроение было прекрасным, и я уже представляла, как мы с Малышом отметим свой праздник в Библиотеке. В ней, кстати, тоже появилась Ель. Мне показалось, что Библиотека позаимствовала её из какой-то волшебной истории, потому что появилась она уже украшенной изумительными золотыми шарами величиной с мою голову и свечками, от пламени которых всё вокруг выглядело словно усыпанным золотистой пылью. Во все стороны от неё исходило тёплое сияние, и предчувствие чуда было сильно как никогда.

В Библиотеке меня ждал сюрприз. Под ёлкой каким-то неведомым образом появилась небольшая горка подарков. Я застыла в изумлении, не понимая, кто мне мог это прислать, и так и не решилась проверить содержимое, решив оставить всё для праздника. Подарки были самые разные: от крошечных коробочек до больших упаковок, разноцветные, украшенные пышными бантами. Возле одной из них я даже увидела письмо, подписанное витиеватым почерком, но не стала пока открывать. К тому же, при входе мне послышался звук, напоминавший лёгкий шелест, и краем глаза я уловила взмах серого совиного крыла. В полном восторге от такого сюрприза я немножко полюбовалась представшей картиной и, пообещав вскоре вернуться, закрыла дверь. Возвращалась я в прекрасном настроении и предвкушала удовольствие от распаковки подарков новогодним утром!

Я так замечталась, что не сразу поняла, что что-то происходит.

Сбоку от общежития стояла целая толпа ребят и взрослых. Вначале я решила, что все они вышли, чтобы встретить спонсоров, приехавших в школу, но потом услышала самое ужасное.

Жалобный визг Малыша. Страшный, надрывный, почти человеческий крик, оборвавшийся на самой высокой ноте.

Всё тело одеревенело, но ноги уже сами собой понесли меня туда. Я растолкала толпу и увидела, что Малыш лежит на земле, а рядом с ним стоит ухмыляющийся мужик с ружьём. Мой крик, наверно, был не менее страшен, чем последний визг пса. Я бросилась на мужика, уже не думая ни о чём. Руки, действуя отдельно, били по всему, до чего могли дотянуться, ногтями я впиалась в лицо, и всё продолжала кричать, перемежая крик с бранью. Кто-то попытался меня оттащить, мужик уже не ухмылялся, но начал сопротивляться – и я отлетела в снег. Вскочив, я оказалась лицом к лицу с Варварой. И я поняла.

Это был её приказ. Это она была виновата в гибели единственного дорогого мне существа! Я бросилась на неё, ни секунды не сомневаясь, и схватила за волосы, одновременно сделав то, о чём мечтала давно – врезав кулаком прямо в лицо. Все вокруг кричали, чьи-то руки обхватили меня, пытаясь оттащить от Варвары, которую я пыталась ударить повторно. Я вырывалась, отбивалась, дыхание сбилось, я хрипела и орала, чтобы меня выпустили. Варвара презрительно, мерзко улыбнулась, вставая с земли, пригладила волосы и громко сказала:

–Воронцова, немедленно успокойся! Что за цирк ты устроила? Собака была опасна! Немедленно успокойся!

Но я не собиралась и, продолжая отбиваться, закричала:

– Собака? Это ты опасна, с...! ТЫ! Чтоб ты сдохла, тварь! С...! ОТПУСТИ МЕНЯ!

Мне, наконец, удалось вывернуться, но между мной и Варварой уже оказалось несколько человек. Надо же, как защищают свою покровительницу!

– Ублюдки! Все вы! Что мы вам сделали? Твари! Вы все убили его! Чтоб вы сдохли!

Я не могла больше смотреть на это! Развернулась и побежала, захлёбываясь криками и слезами. Перед глазами по-прежнему было тело Малыша на снегу. Прости! ПРОСТИ!!!! Это моя вина! Я не взяла тебя с собой, и они тебя убили! Но виновата я! Я! В моей жизни впервые появился друг, и я не смогла его уберечь! ПРОСТИ!!!

Следующее, что я помню – это какой-то двор, в котором силы оставили меня. Я молотила руками в кирпичную стену дома, не чувствуя боли от ударов, и продолжая рыдать. Где-то в глубине появилась мысль, что надо добраться до Библиотеки, но сделать это я смогла не сразу. Боль ломала и корёжила меня, я то падала на колени, обхватывая себя руками, то пыталась подняться, цепляясь руками за стены. Но где-то в глубине я понимала – меня будут искать. Будут. Я сбежала, и Варвара захочет окончательно раздавить меня. Мне надо идти. Надо. Я должна. Ноги маленькими шажками наконец понесли меня вперёд, и скоро впереди я увидела дверь Библиотеки.

Не могу, просто не могу взяться за ручку! Мы столько раз проходили здесь вдвоём! А сейчас я найду одна и буду понимать, что Малыша больше никогда, НИКОГДА не будет! Нет!

Но рука потянулась к ручке, я распахнула дверь и застыла на пороге.

Возле стола Теофилуса стояла фигура в тёмном плаще.

– Здравствуй, Хранительница! Что ж... Заходи!

Голос, идущий из-под глубоко нависшего капюшона, показался мне знакомым, и на какой-то момент моему потрясённому сознанию показалось, что вернулся Теофилус. Я сделала шаг и оказалась внутри. В Библиотеке было темно, тихо, свечи оставались безжизненными и потухшими, стены – серыми, и уличный холод, проникнув внутрь, сковал меня.

– Я надеялся, что мне хватит времени, но раз ты пришла... Так даже интереснее!

Нет, это не Теофилус. Мысли с трудом ворочались в голове, в душе всё застыло, и я тупо пялилась на странную личность, стоявшую у любимого стола волшебника. Я казалась себе разбитой на мелкие осколки, и сделала шаг вперёд машинально. Дверь захлопнулась, я прошла внутрь и остановилась, пытаясь понять, что необходимо сделать. Но внутри было также тихо и темно, как снаружи.

– Не стой, Катерина. Садись! Нам есть, о чём поговорить!

Фигура не шевелилась, и я опустила в кресло, стараясь не смотреть на другое, напротив – последним там лежал Малыш.

Фигура в капюшоне не шевелилась и по-прежнему возвышалась у стола, пробуждая отчётливое, хотя и смутное пока ощущение угрозы. Непослушными одеревеневшими губами я спросила:

– Кто вы?

– О, наконец-то! Я думал, ты не задашь этого вопроса! Я отвечу на него! Да! Я так давно мечтал придти сюда! Я так счастлив, что отвечу обязательно! Хотя... Ты бы и сама могла понять! Я – ученик Сказочника! Того самого, которому якобы принадлежит эта... Библиотека. Того самого, которого отправился искать этот нелепый старик, возомнивший себя героем! Почему Сказочник никуда его не пристроил? Да потому что не существует историй, которым был бы необходим спятивший маг-недоучка! Я уверен, что Сказочник и не хотел создавать для него историю! Он получился крайне неудачным... Вряд ли из него вышел бы толк!

Мне было так плохо, что его слова о Теофилусе сначала даже не достигли моего сознания. В другое время я бы, наверно, вступилась за старика, но сейчас все силы уходили на то, чтобы не рухнуть на пол – такой ужас я пережила.

–Что вы тут делаете? – голос звучал хрипло, совсем чужой, и с каждой секундой всё сильнее болела голова, меня тошнило и знобило, и я могла задавать лишь простейшие вопросы.

–Мне очень нужно было попасть сюда! И я даже поделюсь с тобой, зачем! Не люблю действовать скрытно! Тем более, когда вернётся этот ... волшебник, ты уже не сможешь ничего рассказать! И так как шансов найти Сказочника у него нет, я займусь и им, только попозже. И тогда всё здесь станет моим!

–Почему нам его не найти?

–И снова в яблочко! Так, кажется, у вас говорят? Ты умная девочка, Катя. Я давно об этом знаю! А Сказочник... Я нашёл его раньше... Там, где он теперь, самое место и ему, и его бредням! Но... Тс-с-с! Это отдельная история! А пока посиди спокойно!

Он взмахнул рукой, и я потеряла способность двигаться. Страшно уже не было – внутри будто всё выключили, но я спросила:

– Что вы собрались делать?

– Ничего особенного! Видишь ли, Катя, для того, чтобы попасть сюда, мне нужно было, во-первых, удалить этого недоделанного волшебника, а, во-вторых, конечно, узнать сюда дорогу. Мне это удалось. Не без труда, надо сказать! Но трудности меня не пугают. Я всё рассчитал правильно. Конечно, мне хотелось иметь возможность побывать здесь в твоё отсутствие, так что пришлось слегка подстегнуть обстоятельства! Кстати, мне жаль пса! Я люблю животных! Видишь, мы похожи! И сейчас моих сил вполне хватит для того, чтобы повернуть одно дело!

Из-под полы плаща он достал пергамент и развернул его.

–Это не просто бумажка. Конечно, точное содержание тебе знать ни к чему, но кое-что я расскажу. Сказочник наплёл всему миру красивые сопливые байки о любви, верности, вере, надежде, – он расхохотался. – Он сочинял их веками, сидя в этой своей Библиотеке, раздавал направо и налево, верил, что его байки спасут мир! МИР! Этот самый мир! Ты живёшь здесь, Катерина, так ответь мне, какое отношение все эти красивые сказочки имеют к твоему миру? Чему они научили? Во что заставили верить? А? Какая любовь? Какая надежда? Вера? Посмотри вокруг! Все стремятся к другому! Сотни, тысячи лет люди читают их, но внутри у них живёт другая жажда! Войны, предательства, ложь, ненависть, стяжательство, жадность! И во имя чего? Власти! Власти и денег! Этому миру давно не нужны розовые сопля! Ему нужны другие истории! Настоящие! Другой властелин! И я стану им! Я дам миру, твоему миру, то, что ему необходимо! Ты даже не представляешь, как легко заставить людей верить! Главное, найти нужные слова. Нужные истории. И правильно выбрать время. А для этого мне нужна Библиотека! Но это потом! А для начала у меня есть вот это! И чтобы достать кое-что нужное, я и пришёл сюда!

Он поднял руки к капюшону, словно собираясь открыть лицо, но потом передумал.

–Нет, пусть это побудет тайной! Ты, к сожалению, так и умрёшь, не узнав, кто я. Ты выполнила своё предназначение. Стала моим собственным ключиком. Но мне не следует рисковать – в моих планах весь мир, и случайности ни к чему! Так что, прости, Хранительница, наше знакомство было недолгим! У тебя есть последнее желание? Нам пора прощаться! Видишь ли, думаю, что здесь действует право сильного – и пока ты жива, я не смогу полностью завладеть Библиотекой. К счастью, это ненадолго!

До меня стало доходить, что это существо в капюшоне пробралось сюда не просто так. Он собирается убить меня! Ему нужна Библиотека, а я лишь препятствие, так же, как и Малыш, который вообще непонятно за что пострадал! Я по-прежнему не могла встать, но задёргалась в кресле, пытаясь освободиться от невидимых пут.

Мой противник расхохотался снова.

– Не пытайся, Катерина! Я волшебник, и посильнее твоего друга! Хочешь доказательств?

Меня внезапно сильно подбросило вверх, потом рёбра словно сжали в сильных объятиях, и я почувствовала, что не могу дышать! Я висела в метре над креслом и беспомощно билась, ощущая, как начинает меркнуть сознание. Горло едва не разрывалось от боли, глаза вылезали из орбит, и последней мыслью было: "Помогите!". Помогите! Хоть кто-нибудь! Я же умираю!

В ответ мне навстречу полетел крик незнакомца, и почудилась какая-то странная вспышка. Пути ослабли, я рухнула в кресло и увидела, что он валяется на полу. Задышавшись, я встала, не понимая, что делать: то ли бежать, то ли попытаться подобраться к нему. Но ученик Сказочника оказался на ногах одним прыжком, выбросил руку в мою сторону, и я, не успев ничего сделать, полетела куда-то, круша и ломая всё на своём пути.

Темнота и холод – первое, что я почувствовала, приходя в себя. То ли меня сбила машина, то ли избили – боль была повсюду, и я никак не могла понять, где нахожусь. Телу было неудобно, и даже открыв глаза, я не смогла увидеть ничего. Я слегка пошевелила руками, чтобы просто понять, где они, потом вытянула одну вперёд и наткнулась на что-то знакомое. Книга! Ну, конечно! Я по-прежнему в Библиотеке. Что же случилось? Перед глазами тут же возник незнакомец в чёрном плаще. Где он? Что он натворил? Как мне отсюда выбраться?

Я поползла, ощупывая дорогу руками, и скоро поняла, что попала между двумя упавшими шкафами – книги из них высыпались, и теперь груды лежали у меня на пути. Я не знаю, сколько прошло времени, пока впереди показался просвет – двигалась я медленно, каждое движение причиняло боль, а искалеченная давным-давно нога не двигалась вообще и тянулась за мной бесполезным придатком. На лице ощущалось что-то липкое, носом я дышать не могла, и тяжёлые прерывистые хриплые вдохи и выдохи были единственным звуком в могильной тишине, царящей вокруг.

До просвета я добралась совершенно разбитая и несколько минут отдыхала, прежде чем начать разбирать завал, образовавшийся на моём пути. Понемногу, книжка за книжкой – и отверстие, наконец, расширилось настолько, что я смогла протиснуться в него. Снова отдохнув, я попыталась подняться на негнущихся трясущихся ногах. И не смогла. Малейшее движение приводило к жуткой боли в голове и тошноте – сотрясение мозга, никак не меньше. Меня трясло и колотило, и, оставив попытки подняться, я просто прислонилась к стенке шкафа и попыталась оглядеться.

Зрелище было жутким. По Библиотеке словно ураган прошёл: везде виднелись валявшиеся шкафы, разбросанные книги и свитки, свечи, поломанные столы, разбитые горшки с цветами, перевёрнутые кресла. Нет. НЕТ! НЕТ!!

По лицу, смешиваясь с кровью, потекли слёзы. Всё погибло! Всё! Из-за меня! Я виновата!!! Вначале этот выродок убил Малыша, потом смог выследить меня! Я привела его сюда! Как по-другому он смог попасть в Библиотеку?? Он сам сказал, что я была его ключом! Он разрушил здесь всё и исчез! А я всё это время валялась как мешок, даже не пытаясь его остановить! Я всему виной!

Жуткий вопль раздался совсем рядом, и только спустя мгновение стало понятно, что издала его я! Где, где эта тварь, устроившая здесь такое убившая Малыша? Где он?

–Стой!

Свечи в Библиотеке зажглись, выбрасывая вверх снопы искр, их пламя поднималось всё выше, подувший непонятно откуда ветер стремительно пронёсся по всему помещению.

–Стой!!!

Но было поздно.

Мой собственный крик эхом вернулся ко мне, ветер разметал волосы, и всё замерло.

Я сидела посреди полуразрушенной мёртвой Библиотеки, и только слёзы продолжали катиться из моих глаз.

Хоть раз в жизни такая ночь бывает у каждого. Темно повсюду: и снаружи, и внутри. Зажги ты хоть сотню свечей, хоть десяток лампочек – не поможет.

Я провела на полу всё это время. Слёзы высохли, на меня напало оцепенение, я сжалась в комок, уже не замечая боли. Глаза я закрыть не могла – стоило это сделать, и перед мысленным взором возникало тело Малыша или жуткая фигура в чёрном плаще. Я смотрела на всё, что должна была сбересть – теперь поломанное, исковерканное, изорванное, и чувствовала, как отчаяние, тёмное и душное, заполнило всё внутри. Нет. Больше ничего нет. Малыша. Библиотеки. И меня тоже. Ученик пытался меня убить, и ему это удалось. Только вчера я радовалась тому, как легко у меня всё получается! Как хорошо я справляюсь в Библиотеке! Даже без Теофируса! А сегодня я всё погубила! Малыш умер, а Библиотека вот-вот окажется в руках ученика Сказочника. Как я могу ему помешать? Кто я? Абсолютно случайная девчонка, невестка как нашедшая это место. У меня нет никаких особых способностей, я и себя-то защитить не могу! Так что делать? ЧТО?

К утру (наверно, это было утро) я заснула. Во сне мне приснился пёс, весело скачущий посреди ромашкового поля, и проснулась я снова в слезах.

Так прошёл ещё один день.

Моя память всегда, к сожалению, цепко хранила воспоминания. И хорошие, и не очень. Но о тех днях, проведённых в потухшей, притихшей Библиотеке воспоминаний почти не осталось. Наверно, я машинально что-то делала. Или нет. Не знаю. Всё, что я помню – это чувство потерянности и одиночества, словно именно в этот момент, всё, чего я была лишена в жизни, навалилось с новой силой. Я вспомнила выброшенных из неё родителей, незнакомую мне бабушку, которая так же, как и я, любила книги, Теофируса, затерявшегося где-то в огромном мире, Малыша... Особенно, Малыша. Все они были со мной во сне, а наяву стояли зыбкими тенями по углам, куда не доходил свет тускло горящих свечей. Я не понимала, что делаю здесь. Мне хотелось выйти и исчезнуть, но ноги упорно не желали двигаться.

Так продолжалось весь следующий день. И ещё один.

Утром четвёртого с момента гибели Малыша дня я почувствовала, как что-то словно зовёт меня. Это было странно, потому что до этого момента Библиотека не подавала признаков жизни. Я так привыкла думать о ней, как о почти живом существе, что была уверена – ученик Сказочника убил её. Свечи по-прежнему не горели, книги так и лежали кучами на полу, мои многочисленные ушибы и порезы оставались на месте, голова по-прежнему болела, а к носу я боялась даже прикоснуться.

И тут я услышала что-то. Подняться было сложно, словно на плечи навалили груз в полтонны весом. Но я всё же вытащила себя из книжного завала и поплелась вглубь. Как ни странно, ноги привели меня в оранжерею. Она выглядела так, словно и её задело тем ураганом, что случился несколько дней назад. Некоторые горшки оказались перевернутыми, поредели ростки в ящиках справа, плющ, окутывающий стены, съёжился и пожух, а из глубины оранжереи на меня, не мигая, смотрели огромные зелёные глаза. Проснулся Дуб.

–Подойди ближе, дитя людей!

Голос был глухим и скрипучим, словно я засунула голову в дупло. Тело отреагировало само, и через несколько мгновений я стояла рядом с ним, задрал голову и глядя на него с открытым ртом.

–Ты – Хранительница?

–Да...

–Я жду тебя очень долго. Тебе нужно знать, что твой враг замыслил страшное. Нужно остановить его, пока не поздно. Он хочет уничтожить всё, что сотворил Сказочник! Не станет его историй – и твой мир непоправимо изменится! То, что он забрал, важно для него! Выясни, что это и верни назад!

Голос Дуба звучал как набат! Я почувствовала, как внутри что-то шевельнулось, потом ещё и ещё. Я поморщилась и впиалась ногтями в мякоть ладоней, согнувшись под напором пробуждающихся чувств.

–Ты слышишь, Хранительница? Твой долг помочь и остановить ученика Сказочника!

Я слышала! Впервые за эти дни я почувствовала что-то, кроме боли, и не могла заставить себя посмотреть Дубу в глаза. Еле слышно я спросила:

–Как? Я... Я не знаю как ...

–Не ведаю я, как ты можешь сделать, что должна. Но знай – ученик уже не раз пытался погубить твой мир. Много десятков лет назад ему это почти удалось. И сейчас, в это самое мгновение, ядовитое семя даёт всходы. Если ты не сможешь остановить его, ищи Сказочника. Найди его!

–Это невозможно. Этот... ученик сказал, что он где-то... короче, непонятно, но до него не добраться...

–Тогда ищи, что ему было надо. Пойми, зачем он приходил. Не медли. В прошлый раз ему почти удалось всё погубить, в этот раз всё может получиться! Торопись!

Дерево замолкло, и я осмелилась поднять взгляд. Зелёные глаза исчезли. Наверно, Дуб снова заснул, но его слова эхом звучали у меня в ушах.

Значит, не впервой этому чудовищу творить такое. Он пытался, но что-то его остановило! Что-то может его остановить! И это точно не Сказочник, иначе Дуб так бы и сказал мне! Тогда что? Эту загадку мне и предстоит решить?

Я машинально поправила горшки, полила помятые побеги какого-то растения, но руки действовали сами по себе. Голова была занята другим. Что же это за оружие? Что за тайна? Что остановило его? Почему Дуб не сказал? Не знает? Или просто не захотел сказать? Да нет, на карту поставлено многое. Он бы не стал молчать! Так кто мне может помочь? Теофилус?

Теофилус!!!!

Несмотря на боль во всём теле, я пулей вылетела из оранжереи и принялась искать телефон. Он же, наверно, звонил раз пятьсот за это время! Как я могла не услышать! Что он теперь думает! Подгоняемая ужасом, я шарила руками под книгами и наконец, нашла его. Ну, конечно, разрядился!

Чтобы найти свой рюкзак с зарядкой, времени почти не потребовалось. И тут я замерла. Где это я собралась его заряжать? Здесь же нет ни одной розетки! До этого я всегда заряжала телефон в интернате, и сейчас растерялась. Чёрт, что делать?

Я стояла с рюкзаком в одной руке и разряженным телефоном в другой, не понимая, куда бежать. Выходить на улицу и двигать в ближайший торговый центр? Я сбежала из интерната. Меня ищет полиция, и попадаться к ним в руки сейчас очень бы не хотелось! Но мне нужен Теофилус! Ученик может вернуться назад в любую минуту! Кто его остановит? Ведь он, наверно, уверен, что убил меня! И что дальше?

С минуту я так и простояла, пытаюсь сообразить, что важнее, и когда уже совсем собралась выйти на улицу, телефон в руке тренькнул, возвращаясь к жизни. Звук в абсолютной тишине был настолько неожиданным, что я испуганно вздрогнула. И тут же поняла.

Нет, ученик Сказочника, изгнанный отсюда своим учителем, тебе не удалось одолеть Библиотеку. Она жива. Она помогает мне. И я почувствовала, как кровь, застывшая, холодная внезапно побежала по жилам, возвращая к жизни и меня.

Итак, первым делом проверить пропущенные. Я посмотрела на экран и чуть не упала – сто двадцать звонков! Сто двадцать! Как я могла не услышать их! Держитесь, Теофилус, я уже звоню! Гудки шли нестерпимо долго, но наконец, я услышала в трубке знакомый голос:

–Да! Катя! Катя, тебя не слышно!

Он всегда кричал в трубку очень громко, но сегодня превзошёл сам себя.

–Теофилус, здравствуйте! Простите, что не отвечала. У меня тут... телефон разрядился. А я забыла, куда положила его! Извините! Как вы там?

–Катя, точно всё хорошо? Я тут ищу, но пока ничего неясно! Очень много людей! И никаких зацепок.

–Мне очень жаль, Теофилус! Может, вернётесь?

–С твоего позволения, я всё же задержусь ненадолго. Ты справишься ещё немного?

–Да... Думаю, да. Вы там ... осторожнее!

–Хорошо-хорошо. Я в порядке. Как там Малыш?

Имя друга резануло по сердцу, и я снова чуть не заплакала. Но невозможно было сказать Теофилусу о его смерти – он совсем расстроится. Я попыталась взять себя в руки и прошептала:

–Всё в порядке. Мне...э-э...идти пора. Я тут... убираюсь. Я попозже позвоню. Хорошо?

–Конечно-конечно. Всего доброго, Катя!

Прокричав последние слова, Теофилус повесил трубку, а я задумалась над тем, что натворила.

Зачем я соврала? Я же звонила спросить совета! Это было глупо и по-детски, но, с другой стороны, вдруг, узнав обо всём, он пожалеет о своём решении оставить меня здесь и разочаруется во мне. Почему вдруг? Узнав о моей лжи, точно пожалеет!

Хотя его поиски тоже, судя по всему, не давали результата. Я утешила свою бунтующую совесть тем, что если я скажу о визите ученика Сказочника и его словах, то Теофилус совсем потеряет надежду найти своего создателя! А вдруг ученик врал? Вдруг он на самом деле ничего не знал о своём учителе?

Знать бы, что мне теперь делать!

Я пробежалась глазами по беспорядку вокруг меня. Итак, я стояла почти здесь, а он был возле стола. Стола Теофилуса! Случайно? Вряд ли! Откинув рюкзак, я захромала к столу. Внешне там было всё, как всегда. Огромную поверхность усеивали какие-то бумаги, книги, чернильницы и перья, сейчас разбросанные, как и всё вокруг. Правда, и при Теофилусе порядка на нём не было!

И ещё при Теофилусе на нём не было маленькой кучки серого пепла! В голове шевельнулось воспоминание: пергамент, который ученик вытащил из-под плаща. Вспышка... Уж не он ли это? Хотя, если подумать, узнать из него я уже вряд ли что-то смогу.

Я обмакнула палец в самый центр кучки и поднесла к лицу. Да уж! Даже если какая-то зацепка была, ученик её уничтожил. Я попыталась стереть пепел, но это не удалось. Напротив, к моему удивлению, остальные невесомые пылинки потянулись к моему пальцу, прилипая друг к другу. Боясь пошевелиться, я расширившимися глазами наблюдала за тем, как листок пергамента буквально восстаёт из пепла. Вот это да! Я, конечно, понимаю, что "рукописи не горят", но не так же буквально! Ещё миг..., и пергамент плавно опустился в подставленную руку, совсем невредимый, точно ничего и не было.

Я машинально сжала его в ладони, понимая, что Библиотека снова помогла мне и сказала в до сих пор молчавшую и потухшую пустоту:

–Спасибо... Я... постараюсь помочь! Спасибо!

Нет, такого чуда, как в первый раз, когда я увидела истинный облик Библиотеки, не произошло, но свечи вспыхнули и поплыли ко мне по воздуху, вокруг что-то зашуршало, пол, казалось, заходил ходуном, потому что книжные шкафы и остальная мебель, как по мановению волшебной палочки, оказались на прежних местах. Правда, всё остальное выглядело по-

прежнему печально, и я сделала вывод, что это моя часть уборки. Что ж, займёмся этим позже, пока надо разобраться, что же попало мне в руки.

Я уселась в вернувшееся на своё место кресло, и тут же застонала от боли – про свои раны я совсем забыла. Потом развернула пергамент и... ничего не поняла. Первое, что бросилось в глаза – он был откуда-то вырван, судя по краю листа. К тому же, это был какой-то перечень, половина слов в котором была написана на непонятном мне языке, а другая половина представляла собой список, содержащий, например, воду из озера Огар-Тан, кровь(!) дракона, волос единорога и тому подобные вещи! Чувствуя себя Гарри Поттером, я попыталась сложить всё это в кучу и догадалась – на куске бумаги рецепт какого-то магического зелья или чего-то в этом роде. Интересно, а что же со второй частью? Это тоже ингредиенты? Как узнать?

Сбоку послышался шорох, я в панике оглянулась и с облегчением выдохнула. Никто в Библиотеку не проник, а рядом со мной в воздухе висел толстенный фолиант, украшенный узором из многократно переплетавшихся растений с яркими цветами. Посреди обложки они образовывали виньетку, в которой было выведено слово "HERBARIUS". Ну, конечно! Всё это – названия растений! Вскоре выяснилось, что неведомое мне зелье требовало лунного цвета 5 единиц, корня мандрагоры – 2 единицы, вербены- 4, мускатного ореха-4 и так далее. Двух наименований в книге не оказалось, но я уже поняла, где можно их найти! В оранжерее росли травы и цветы из волшебных историй, и там я точно смогу найти и Rufus Oculus, и Album Musco, что бы это ни значило.

Итак, у меня есть рецепт непонятно чего. Значит, пора приниматься за работу и понять, что это. Возможно, если всё это приготовить, ответ станет очевиден, но я же не профессор зельеварения, а значит, результат вряд ли будет удовлетворительным! Тогда пойдём проверенным путём.

На столике возник чайник с чаем и тарелка с печеньем, а в воздухе, словно большие птицы, замелькали книги, складываясь в стопки рядом со мной. Ого, сколько их! Но ничего не поделаешь. Чтобы понять, за каким зельем так охотился ученик Сказочника, мне предстоит проверить их все! Итак, приступим!

Глава 6

Все следующие дни я этим и занималась. Я нашла (точнее, получила) все известные книги по зельям. Из всех историй. Я даже спустилась в подвал Теофилуса и принесла его записи наверх. Гора была такая, что я поняла – буду изучать всё это до следующего Нового года! Но выхода не было.

Уже наступил январь, о празднике я и не вспомнила – для меня теперь всегда его ожидание будет испорчено теми ужасными событиями, которые нет-нет, но находили дорогу обратно. Тогда я подолгу сидела в кресле, ничего не видя в раскрытой книге, и старалась не плакать. Иногда я машинально поглядывала в кресло напротив, словно ожидая увидеть там изуродованную морду Малыша, свернувшегося в клубок и глядящего на меня умными глазами, но тут же отводила взгляд.

Я должна, должна собраться и найти то, что необходимо выродку, убившему тебя, Малыш, поэтому прости – я не могу думать о тебе и вспоминать те дни, когда даже тень угрозы не мелькала в этих стенах. И я снова упорно изучала всё необходимое, делая короткие перемены, когда наступал момент подвести часы или смахнуть пыль с хрустальных башмачков.

Порядок я наводила постепенно в те моменты, когда голова уже ничего не соображала. Библиотека понемногу принимала прежний вид, и даже мои многочисленные раны зажили – всё это, конечно, произошло не само собой. Библиотека продолжала помогать мне: книги, перья, травы и прочие мелочи заняли свои места не моими стараниями, к тому же я бы ни за что не смогла так мастерски отремонтировать разбитое, порванное и разрушенное. Конечно, я понемногу помогала, но если бы не магия этого места, навести порядок было бы невозможно. Библиотека при этом оставалась прежней – перестала менять свой вид со дня посещения учеником Сказочника, и мне представлялось, что сейчас она похожа на тяжелобольного человека, едва пришедшего в себя после кризиса.

Об интернате в эти дня я и не вспоминала – там на меня, скорее всего, оформили розыск и успокоились. Сейчас праздники, так что вряд ли кому-то есть дело до того, где я могу быть. А уж скучать по своим врагам я не собиралась!

Так как выходить на улицу мне было незачем (проблемы еды, понятное дело, тоже не существовало), я спокойно разбиралась с неведомым рецептом. Книги по травам и зельям, конечно, были очень увлекательны! Каких только свойств не было у волшебных снадобий! Приворотные, отворотные, на удачу, смертельные, превращающие в разных животных и растения (эти варились только из тех растений, которые охраняли дриады), позволяющие стать великаном или лилипутом, заставляющие говорить правду, принуждающие, напротив, врать, разрешающие видеть в темноте или плавать под водой... Честно говоря, некоторые свойства я даже пропускала – голова итак того гляди лопнет от информации! Я выяснила, что некоторые зелья варить можно только в определённом месте (Лысая гора, допустим, но не наша, а настоящая), другие – только при определённой фазе Луны, для третьих нужен какой-то особый предмет, например, серебряный кинжал. Ни одно зелье не повторялось! Ни одно! И ни одно из изученных не походило на рецепт, оказавшийся у меня!

Я жевала бутерброды, не чувствуя их вкуса, ела пироги, запивала всё это чаем, и снова погружалась в неведомый мне мир. Пару раз пришлось пойти в оранжерею, чтобы найти растения, обладающие потрясающими свойствами (это я сделала просто из любопытства), а один раз я даже сама позвонила Теофилусу, не в состоянии понять действие зелья.

Кстати, о Теофилусе. Мы регулярно созванивались, но я так и не нашла подходящий момент, чтобы сказать ему о смертельно опасном визитёре, смерти Малыша и своём поиске. Я сжимала зубы, пытаясь удержать всё это внутри себя, мне было стыдно, но я не могла повесить на старика столько проблем! Попытаюсь хоть с чем-то разобраться сама!

Все эти дни я подспудно ожидала возвращения ученика Сказочника. Ожидала и боялась. Один раз он уже едва не убил меня, а что если это повторится? Но время шло, он не появлялся, и я понемногу успокоилась, хотя мне не давали покоя его слова о ключе. Каким образом я стала им? Как допустила, чтобы он попал сюда? А если из-за меня всё здесь погибнет? Вопросов было много, но без Теофилуса я вряд ли могла ответить на них, поэтому сосредоточилась на самом важном.

Последняя на сегодня книга была без названия и намного тоньше, чем просмотренные мною. Конечно, можно было бы её пропустить, но остальные книги, ожидающие своей очереди, были ощутимо толще. К тому же в отложенной напоследок горке было несколько фолиантов, к которым мне не хотелось даже прикасаться: известные произведения чернокнижников, злых ведьм и тёмных колдунов – не лучшее чтение перед сном! Некоторые из них казались живыми, и под кожаными обложками я уловила еле слышное биение, от которого шли мурашки по коже.

Я взяла книжицу и поднялась на второй этаж – чтение можно было продолжить и там, укутавшись в тёплый плед на безразмерной кровати. Открыв её, я попыталась вникнуть в написанное, а уже через несколько минут сообразила, что это – записи Сказочника! От сделанного открытия все признаки сонливости пропали, и я с воскресшим энтузиазмом пролистала неожиданную находку.

До этого момента я понимала, что большая часть книг в Библиотеке вышла из-под его пера, но книжица, попавшая мне в руки сейчас, была особенной. Это было что-то вроде дневника. На пожелтевших от времени страницах мелким витиеватым почерком Сказочник записывал свои идеи, мысли, наблюдения. Некоторых страниц не было – очевидно, владелец вырвал то, что ему не понравилось. Я пролистывала один за другим тонкие листочки, пока не нашла кое-что интересное.

В своё время, как писал Сказочник, он наткнулся на рецепт волшебных чернил. Ну как, наткнулся! Их изобрёл один чародей. И придумал он их для того, чтобы изменить свою историю. Дело в том, что с детства ему был предназначен путь тёмного волшебника, но становиться на него он решительно отказывался. Поэтому вопреки воле создателя придумал чернила, способные переписать его предназначение. И переписал ведь! Вместо Великого Тёмного Мага родился Великий Светлый Маг. Собственно, это история в итоге и поведала о том, что каждый из нас сам выбирает своё предназначение. История, без сомнения, вышла хорошей, с одним, правда, но. Чернила эти заставили их создателя возомнить себя всемогущим. И он непременно хотел творить добро везде и всюду, а у такого подхода тоже были последствия. К чему это могло привести? Не знаю, но Сказочник аккуратно изъясил рецепт из книги, и в истории он затерялся, поэтому неведомый волшебник свой подвиг повторить не смог. Как и никто больше. Сказочник же поместил рецепт в дневник. Я торопливо перевернула страницу и увидела, что следующая отсутствует! Вырвана! Но я знаю, где она находится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.